

HAL
open science

(Standard Western Armenian)

Anaid Donabedian-Demopoulos, Liana Hovsepyan, Rouben Sakapetoyan

► **To cite this version:**

Anaid Donabedian-Demopoulos, Liana Hovsepyan, Rouben Sakapetoyan. (Standard Western Armenian). Koryakov Yuri B., Kibrik Andrej A. Languages of the World, relict Indo-European languages of Western and Central Asia, Moscow Academia, pp.291-320, 2013, 978-5-87444-370-2. hal-00986638

HAL Id: hal-00986638

<https://hal.science/hal-00986638>

Submitted on 6 May 2014

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

ЯЗЫКИ
МИРА

LANGUAGES
OF THE
WORLD

Ранее в рамках издания «Языки мира»
были опубликованы следующие тома:

- Уральские языки
- Тюркские языки
- Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки.
Японский язык. Корейский язык
- Палеоазиатские языки
- Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки
- Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки
- Иранские языки. III. Восточноиранские языки
- Дардские и нуристанские языки
- Кавказские языки
- Германские языки. Кельтские языки
- Романские языки
- Индоарийские языки древнего и среднего периодов
- Славянские языки
- Балтийские языки
- Семитские языки. Аккадский язык.
Северозападносемитские языки.
- Древние реликтовые языки Передней Азии
- Новые индоарийские языки
- Семитские языки. Эфиосемитские языки
- Дравидийские языки

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЯЗЫКИ МИРА

*Реликтовые
индоевропейские языки
Передней и Центральной Азии*

Москва
Academia
2013

УДК 811.1(29)
ББК 81.2
Я41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проекты №№ 03-04-00247а, 13-04-16029д),
программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»
и Минобрнауки РФ (государственный контракт № 02.740.11.0595)

Издание «Языки мира» основано В.Н. Ярцевой

Главный редактор издания «Языки мира» — *А.А. Кибрик*

Редакционная коллегия тома:

Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик

Группа «Языки мира»:

*О.И. Беляев, В.Ю. Гусев, А.А. Кибрик, Е.М. Князева, Ю.Б. Коряков,
Ю.В. Мазурова, Е.Б. Маркус, Н.В. Розова, О.И. Романова*

Я41

Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Ю.Б. Коряков, А.А. Кибрик. — М.: Academia, 2013. — 512 с. ISBN 978-5-87444-370-2

Книга является очередным томом энциклопедического издания «Языки мира», которое создается в Институте языкознания РАН. Данный том посвящен ряду ветвей индоевропейской языковой семьи, распространенных в Передней и Центральной Азии, включая анатолийские языки, фригийский и галатский языки, реликтовые арийские, армянский и тохарские языки. Большинство статей тома (помимо статей о современных формах армянского языка) посвящены древним языкам. Статьи написаны в соответствии с единой типологически ориентированной схемой, которая применяется во всех томах издания «Языки мира». Эта схема включает социолингвистическую, диахроническую и синхронную структурную характеристику описываемого языка и обеспечивает сопоставимость описаний различных языков. В книге содержатся языковые карты, которые отражают распространение описываемых языков. Книга представляет собой одновременно и фундаментальный труд, содержащий научное описание языков и предназначенный для лингвистов различной специализации, и справочное издание с широким кругом адресатов, включающим историков, этнографов, преподавателей, студентов и аспирантов, а также всех интересующихся древними и индоевропейскими языками.

Languages of the World: Relict Indo-European languages of Western and Central Asia. Yuri B. Koryakov and Andrej A. Kibrik (eds.). — Moscow: Academia, 2013. — 512 pp. ISBN 978-5-87444-370-2

This book continues the encyclopedic multi-volume series “Languages of the World”, which is being prepared at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. This volume addresses the Indo-European languages of Western and Central Asia, including Anatolian, Phrygian, Galatian, Relict Aryan, Armenian with its varieties and Tocharian. Almost all languages considered are ancient with the exception of Modern Armenian. Each essay follows the typologically oriented template implemented throughout the Languages of the World series. This template imposes sociolinguistic, diachronic and structural characterization upon individual languages and ensures the commensurability of the descriptions of different languages. A set of maps illustrating the spread of the languages is appended. The volume is intended as a fundamental study addressed to the linguists of various specializations, but also as a reference source addressed to a wide audience of historians, cultural anthropologists, teachers as well as students, and everyone interested in ancient and Indo-European languages.

© Институт языкознания РАН, 2013 г.

© Издательство Academia, оформление, 2013 г.

*Посвящается светлой памяти
Марины Андреевны Журинской —
первого координатора проекта
«Языки мира»*

СОДЕРЖАНИЕ

Об издании «Языки мира»	10
Предисловие	12

Анатолийские языки

<i>А.С. Касьян, И.С. Якубович.</i> Анатолийские языки	15
<i>А.С. Касьян, А.В. Сидельцев.</i> Хеттский язык	26
<i>А. Рицца.</i> Лидийский язык	75
<i>А.С. Касьян, А.В. Шацков.</i> Палайский язык	97
<i>И.С. Якубович.</i> Лувийский язык	106
<i>А. Клукхорст.</i> Ликийский язык	131
<i>В.В. Шеворошкин.</i> Милийский язык	154
<i>И.-Х. Адъего.</i> Карийский язык	166
<i>А.С. Касьян.</i> Сидетский язык	175
<i>А.С. Касьян.</i> Писидийский язык	177
<i>О. Лигорио, А. Лубоцкий.</i> Фригийский язык	180
<i>Т.А. Михайлова.</i> Галатский язык	196

Арийские языки

<i>Б.Л. Огибенин.</i> Митаннийский индоарийский язык	198
<i>М.А. Живлов.</i> Андроновский арийский язык	217

Армянский язык

<i>Н.А. Дилбарян.</i> Древнеармянский язык	221
<i>Л.С. Овсепян.</i> Восточноармянский литературный язык	242
<i>А. Донабебян, Л.С. Овсепян, Р.К. Сакапетоян.</i> Западноармянский литературный язык	291
<i>Л.С. Овсепян, Г.Г. Геворкян.</i> Армянские диалекты (общий обзор)	320
<i>Г. Мартиросян.</i> Армянские диалекты (характеристика отдельных диалектов)	334

Тохарские языки

<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарские языки	386
<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарский А язык	398
<i>С.А. Бурлак, И.Б. Иткин.</i> Тохарский В язык	444

Авторы и редакторы книги	486
Принятая нотация и сокращения.....	488
Указатель названий реликтовых индоевропейских языков Передней и Центральной Азии	493
<i>Приложение:</i> Типовые схемы статей.....	505
<i>Ю.Б. Коряков.</i> Карты реликтовых индоевропейских языков и диалектов Передней и Центральной Азии	507

CONTENTS

About the publication “Languages of the World”	10
Preface	12

Anatolian languages

<i>A.S. Kassian, I.S. Yakubovich.</i> Anatolian languages.....	15
<i>A.S. Kassian, A.V. Sideltsev.</i> Hittite.....	26
<i>A. Rizza.</i> Lydian.....	75
<i>A.S. Kassian, A.V. Shatskov.</i> Palaic	97
<i>I.S. Yakubovich.</i> Luwian	106
<i>A. Kloekhorst.</i> Lycian	131
<i>V.V. Shevoroshkin.</i> Milyan	154
<i>I.-X. Adiego.</i> Carian	166
<i>A.S. Kassian.</i> Sidetic	175
<i>A.S. Kassian.</i> Pisidian	177
<i>O. Ligorio, A. Lubotsky.</i> Phrygian	180
<i>T.A. Mikhailova.</i> Galatian	196

Aryan languages

<i>B.L. Oguibenine.</i> Mitanni Indo-Aryan.....	198
<i>M.A. Zhivlov.</i> Andronovo Aryan	217

Armenian language

<i>N.A. Dilbaryan.</i> Classical Armenian.....	221
<i>L.S. Ovsepyan.</i> Standard Eastern Armenian	242
<i>A. Donabédian, L.S. Ovsepyan, R.K. Sakapetoyan.</i> Standard Western Armenian.....	291
<i>L.S. Ovsepyan, G.G. Gevorkyan.</i> Armenian dialects (general overview)	320
<i>H. Martirosyan.</i> Armenian dialects (description of individual dialects).....	334

Tocharian languages

<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian languages.....	386
<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian A	398
<i>S.A. Burlak, I.B. Itkin.</i> Tocharian B	444
Contributors	486
Notation and abbreviations	488

Index of the relict Indo-European languages and dialects of Western and Central Asia.....	493
<i>Appendix: Templates</i>	505
<i>Yu.B. Koryakov. Maps of the relict Indo-European languages of Western and Central Asia.....</i>	507

ОБ ИЗДАНИИ «ЯЗЫКИ МИРА»

Многотомное энциклопедическое издание «Языки мира» подготавливается одноименной рабочей группой Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН. Целью издания является описание возможно большего числа естественных языков. Главная идея издания состоит в том, что описание всех языков, независимо от их генеалогической принадлежности и социального статуса, выполняется в сопоставимой форме, по единым стандартам. Таким образом, издание «Языки мира» формирует эмпирическую базу для любых сопоставительных и типологических исследований.

Статьи об индивидуальных языках и языковых группах написаны в соответствии с типовыми схемами (см. Приложение к настоящему тому). Статьи включают общую и социолингвистическую характеристику языков, сведения о диалектах, письменности и истории языков, внутривидовое описание фонетики, грамматики и лексики, а также основную литературу. Схемы статей являются типологически обоснованными и приложимы к языкам самых различных типов. Статьи группируются в тома по генеалогическому принципу, а в тех случаях, когда это невозможно или неудобно, — по ареальному принципу.

В порядке подготовки к публикации «Языков мира» ранее были изданы следующие коллективные монографии:

Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

Теоретические основы классификации языков. М.: Наука, 1980, т. 1; 1982, т. 2.

Языки и диалекты мира. М.: Наука, 1982.

Журиная М.А., Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты. М.: Наука, 1986.

К настоящему времени были изданы следующие тома издания «Языки мира»: «Уральские языки» (М.: Наука, 1993), «Тюркские языки» (Бишкек: Издательский дом Кыргызстан, 1997; М.: Индрик, 1997), «Палеоазиатские языки» (М.: Индрик, 1997), «Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (М.: Индрик, 1997), «Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки» (М.: Индрик, 1997), «Дардские и нуристанские языки» (М.: Индрик, 1999), «Кавказские языки» (М.: Academia, 1999), «Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Иранские языки. III. Восточноиранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Германские языки. Кельтские языки» (М.: Academia, 2000), «Романские языки» (М.: Academia, 2001), «Индоарийские языки древнего и среднего периодов» (М.: Academia, 2004), «Славянские языки» (М.: Academia, 2005), «Балтийские языки» (М.: Academia, 2006), «Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки» (М.: Academia, 2009), «Древние реликтовые языки Передней Азии» (М.: Academia, 2010), «Новые индоарийские языки» (М.: Academia, 2011), «Семитские языки. Эфиосемитские языки» (М.: Academia, 2013), «Дравидийские языки» (М.: Academia, 2013).

Вслед за настоящим томом в первую очередь должны выйти следующие тома:

«Семитские языки. Арабский язык. Южноаравийские эпиграфические языки. Современные южноаравийские языки»;

«Реликтовые языки Европы»;
«Австроазиатские языки»;
«Синитические языки»;
«Языки манде».

На формирование концепции «Языков мира» оказали влияние многие ученые, однако в первую очередь необходимо упомянуть вклад В.А. Виноградова, М.А. Журиной, В.П. Калыгина, И.Ш. Козинского, А.А. Королёва, В.Я. Порхомовского и Я.Г. Тестельца, разработавших типовые схемы, лежащие в основе статей. Разумеется, создание томов «Языков мира» не было бы возможно без огромной творческой работы авторов, представляющих различные научные центры, города и страны, без труда редакторов и технических работников, обрабатывавших материалы томов на самых разных этапах. Всем, кто прямо или косвенно способствовал подготовке издания «Языки мира», редакционная коллегия выражает самую искреннюю признательность.

Редакционная коллегия тома и группа «Языки мира» благодарят Российский гуманитарный научный фонд за финансовую поддержку издания.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий том многотомного энциклопедического издания «Языки мира», подготовленный в Институте языкознания РАН, посвящен реликтовым индоевропейским языкам Передней и Центральной Азии. Состав статей тома обусловлен сочетанием нескольких соображений — генеалогических, географических, хронологических. В том включены описания индоевропейских языков Передней и Центральной Азии, не входящих в распространенную здесь же крупную ветвь этой языковой семьи — иранскую. С точки зрения географии, рассматриваемые языки распространены или в Передней Азии (включая Закавказье), или в Центральной Азии (в широком смысле, включая Китайский Туркестан). Условный термин «реликтовые», использованный в заголовке книги, указывает и на относительно небольшой размер ветвей индоевропейской семьи, описываемых в томе, и на тот факт, что в рамках тома объединены по большей части древние языки (не считая современного армянского языка) — опять же, в отличие от иранской ветви, насчитывающей множество живых языков. В настоящей книге представлены описания языков трех азиатских ветвей индоевропейской семьи — анатолийской, армянской и тохарской, а также нескольких других языков.

Этот том следует за рядом томов о других индоевропейских языках — иранских, дардских, нуристанских, германских, кельтских, романских, древних и новых индоарийских, славянских, балтийских. Кроме того, ранее был издан том о реликтовых неиндоевропейских языках Передней Азии.

Описание языков проводилось в соответствии с общими типологическими принципами, лежащими в основе издания «Языки мира». Данный том содержит новейшие сведения как по языкам с большой традицией описания (хеттскому, армянскому), так и по малоизвестным и скудно описанным языкам региона (например, митаннийскому индоарийскому). Издание тома о реликтовых индоевропейских языках Азии очень важно для многих областей языкознания, в том числе сравнительно-исторического языкознания, типологии, ареальной лингвистики. Данное издание компенсирует недостаток общелингвистического и типологического взгляда на древние и некоторые современные индоевропейские языки Азии — особенно в сравнении со многими другими языками региона.

Наиболее древней по времени письменной фиксации является анатолийская ветвь индоевропейской семьи. Анатолийский раздел книги включает как общую статью, так и отдельные статьи по хеттскому, лидийскому, палайскому, лувийскому, ликийскому, милийскому, карийскому, сидетскому и писидийскому языкам.

В том вошла статья по фригийскому языку, образующему отдельную ветвь индоевропейской семьи. Две статьи посвящены реликтовым арийским языкам (митаннийский индоарийский и андроновский арийский), не включенных в предшествующие выпуски издания из-за отсутствия традиции описания этих языков в составе арийских языков. Наконец, отдельная статья посвящена галатскому языку — единственному представителю кельтской ветви, представленному в Азии. Этот язык в свое время не был включен в том, посвященный кельтским языкам, поскольку принципы его составления не предполагали отдельных статей по территориальным разновидностям кельтских языков.

Особняком в рамках данного тома стоит армянский раздел. Хотя в нем также имеется статья, посвященная мёртвому языку с довольно длительной письменной традицией (древнеармянскому), это единственный среди разделов, включающий статьи о живом языке. Армянский язык довольно своеобразен, с одной стороны, с точки зрения полицентричной литературной нормы, с другой — с точки зрения значительного диалектного разнообразия. Раздел включает пять статей. В статье «Древнеармянский язык» в основном описывается классическая литературная норма — грабар. Статьи «Востоочноармянский литературный язык» и «Западноармянский литературный язык» посвящены двум существующим литературным нормам. При этом статья «Востоочноармянский литературный язык», в которой описывается грамматика восточного варианта армянского языка, является также основной статьей раздела как с точки зрения социодемографических сведений, так и с точки зрения подробности грамматического описания. Описания в других статьях часто строятся по принципу сопоставления с восточным вариантом.

Кроме того, в рамках армянского раздела подробно описываются диалекты армянского языка. Разница между некоторыми диалектами такова, что с позиций собственно языковой структуры их вполне можно было бы рассматривать как отдельные языки. Кроме того, бóльшая часть этих диалектов исчезла или находится на грани исчезновения в результате геноцида армян в начале XX в. Многие диалекты известны лишь по кратким записям. Наконец, на русском языке диалектные описания практически отсутствуют. Всё это побудило редколлегию с особым вниманием отнестись к описанию диалектов армянского языка. Им посвящено две статьи, частично пересекающихся, но в целом рассматривающих армянский диалектный массив в разной перспективе. В статье «Армянские диалекты (общий обзор)» дается общая социодемографическая характеристика диалектных ситуаций в армянском мире и сравнительное описание грамматических явлений, встречающихся среди армянских диалектов, а в статье «Армянские диалекты (характеристика отдельных диалектов)» сделана попытка краткого описания каждого из 44 основных диалектов, сгруппированных в 11 групп по классификации Г.Б. Джаукяна, а также подробно рассмотрены некоторые диахронические явления, важные для классификации армянских диалектов.

Наконец, тохарский раздел включает общую статью, а также отдельные статьи по тохарскому А и тохарскому В, хронологически сопоставимых с древнеармянским.

В авторский коллектив входят ученые из ряда научных центров России: Института языкознания РАН (А.С. Касьян, Ю.Б. Коряков, А.В. Сидельцев и И.С. Якубович), Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, А.В. Шацков), Института востоковедения РАН (С.А. Бурлак и И.Б. Иткин), Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Т.А. Михайлова), Российского государственного гуманитарного университета (М.А. Живлов), а также из Армении (Ереванский государственный университет — Н.А. Дилбарян, Л.С. Овсепян, Р.К. Сакапетоян; Ереванский государственный лингвистический университет им. В. Брюсова — Г.Г. Геворкян), Германии (Вюрцбургский университет — А. Рицца), Испании (Университет Барселоны — И.-Х. Адьего), США (Мичиганский университет — В.В. Шеворошкин), Нидерландов (Лейденский университет — А. Клухорст, А. Лубоцкий, Г.К. Мартиросян, О. Лигорио), Франции (Страсбургский университет — Б.Л. Огибенин, Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO) — А. Донабедаян).

Исходная концепция тома была сформирована под руководством В.П. Кальгина и Н.Н. Казанского. Состав статей тома собран Ю.Б. Коряковым и А.А. Кибриком. Типоло-

гическое редактирование материалов тома выполнено Ю.Б. Коряковым. Значительную помощь в содержательном редактировании и координации работы над томом оказали А.С. Касьян и А.В. Сидельцев (древние языки), О.И. Беляев, Н.Д. Безруков, В.А. Кагирова, А.Г. Мхитарян, П.А. Кочаров и В.А. Плунгян (армянский раздел). Большой объем редакторской работы был выполнен также А.А. Кибриком, Ю.В. Мазуровой, Н.В. Роговой, О.И. Романовой и Е.М. Князевой.

При подготовке статей авторы по большей части использовали «малую» схему IV (см. Приложение), наиболее подходящую для описания древних и мертвых языков, для которых оказываются лишь частично применимыми вопросы по социолингвистике, диалектам, демографии и пр. По основной схеме II описаны лишь хеттский язык, древнеармянский язык и две статьи, описывающие варианты современного армянского языка. По схеме I написаны общие статьи об анатолийской и тохарской ветвях, а также обе статьи, рассматривающие армянские диалекты. Наконец, «диалектная» схема III использована для двух фрагментарно известных анатолийских языков — сидетского и писидийского.

Разные языковые уровни отражены в статьях тома с разной степенью подробности. Гораздо менее детально, нежели фонетика и морфология, описан синтаксис. Это объясняется как недостаточной разработанностью синтаксической проблематики на материале реликтовых индоевропейских языков Азии, так и острой нехваткой данных по мертвым языкам. При подготовке материалов тома к печати редколлегия стремилась, с одной стороны, к учету традиций описания представленных языков, с другой — там, где это возможно, — к унификации системы обозначений и терминологии, используемых в томе.

Следует особо сказать о специфике подачи примеров из языков с нелатинской и некириллической графикой. Описанные в томе языки использовали широкий спектр письменностей: слоговая иероглифика для лувийского; слоговая клинопись для хеттского и лувийского, опосредованно для палайского и митаннийско-арийского; консонантно-слоговое тохарское письмо; особые алфавитные системы для многих анатолийских, фригийского и армянского языков; греческое письмо для нововфригийского и писидийского. По сложившейся традиции все примеры даются не в оригинальных письменностях, а в том или ином виде транслитерации или транскрипции на основе латинского алфавита. Также, когда речь идет о конкретных знаках или графемах, обозначаемых знаками транскрипции, подразумеваются знаки исходной письменности. Про особенности записи разных типов примеров см. подробнее отдельные статьи, а также раздел «Принятая нотация и сокращения» в конце тома.

В книгу включены также указатель названий упоминаемых языков и диалектов и подробные лингвистические карты, составленные Ю.Б. Коряковым.

Мы посвящаем эту книгу памяти Марины Андреевны Журиной (22.06.1941 – 04.10.2013), которая в течение подготовительного и решающего этапа работы над изданием «Языки мира» (с 1975 по 1986 гг.) была координатором этого большого проекта. Первоначальные шаги по подготовке типологически ориентированных описаний индоевропейских языков Азии в рамках проекта «Языки мира» были предприняты Мариной Андреевной еще в те годы. В контексте данной книги хотелось бы вспомнить и том, что М.А. Журиная в студенческие годы специализировалась на анатолийских языках: ее дипломная работа на филологическом факультете МГУ называлась «Работы Хольгера Пердерсена по ликийскому языку» (1967).

Редколлегия

Н. 3: Šarahuysut'yun [Современный армянский язык. Т. 3: Синтаксис]. Erewan, 1976.

Ačařyan H.H. Liakatar k'erakanut'yun hayoc' lezvi [Полная грамматика армянского языка. Тт. 1–5]. Erewan, 1952–1967, hh. 1–5.

Ağayan Ē.B. Žamanakacic' hayereni holovumə ew xonarhumə [Склонение и спряжение в современном армянском языке]. Erewan, 1967.

Aknarkner miĵin grakan hayereni patmut'yan [Очерки по истории среднеармянского литературного языка. Тт. 1–2]. Erewan, 1972–1975, hh. 1–2.

Ařak'elyan V.D. Hayereni šarahuysut'yun [Синтаксис армянского языка. Тт. 1–2]. Erewan, 1958–1964, hh. 1–2.

Ařak'elyan V.D., Хаč'atryan A.H., Ēloyan S.A. Žamanakacic' hayoc' lezu. Н. 1: Hnč'unabanut'yun ew bařagitut'yun [Современный армянский язык. Т. 1: Фонетика и лексикология]. Erewan, 1979.

Asatryan M.E. Žamanakacic' hayoc' lezvi jewabanut'yan harc'er [Вопросы морфологии современного армянского языка. Тт. 1–3]. Erewan, 1970, h. 1; 1973, h. 2; 1977, h. 3.

Barseğyan H.X. Hayereni xosk'i maseri usmunk'ə [Учение о частях речи армянского языка]. Erewan, 1980.

Galstyan S.A. Acanc'umə ew acanc'nerə žamanakacic' hayerenum [Аффиксация и аффиксы в современном армянском языке]. Erewan, 1978.

Ĵahukyan G.B. Hayoc' lezvi zargac'umə ew kařuc'vack'ə [Развитие и структура армянского языка]. Erewan, 1969.

Ĵahukyan G.B. Žamanakacic' hayereni tesut'yan himunk'nerə [Основы теории современного армянского языка]. Erewan, 1974.

Petrosyan H.Z. Orořyali u anoroři, anĵi ew iri ařumnerə hayerenum [Категории определённости и неопределённости, лица и вещи в армянском языке]. Erewan, 1960.

С л о в а р и

Русско-армянский словарь. Ереван, 1954–1958, тт. 1–4.

Худовашев А. Армяно-русский словарь. М., 1838 (1986).

Н а а р м я н с к о м я з ы к е:

Ačařyan H.H. Hayeren armatakan bařaran. 2nd hratarakč'ut'yun [Этимологический корневой словарь армянского языка. 2-е изд. Тт. 1–4]. Erewan, 1971–1979, hh. 1–4.

Ağayan Ē.B. Ardı hayereni bac'atrankan bařaran [Толковый словарь современного армянского языка. Тт. 1–2]. Erewan, 1976, hh. 1–2.

Galstyan E.G. (ред.) Нау-řuseren bařaran [Армянско-русский словарь]. Erewan, 1984.

Ĵaribyayn A.S. Řus–hayeren bařaran. 3rd hratarakč'ut'yun [Русско-армянский словарь. 3-е изд.]. Erewan, 1982.

Malxasyanc' S. Hayeren bac'atrankan bařaran. [Толковый словарь армянского языка. Тт. 1–4]. Erewan, 1944–1945, hh. 1–4.

Petrosyan H.Z. Hayerenagitakan bařaran [Словарь по арменистике]. Erewan, 1987.

Žamanakacic' hayoc' lezvi bac'atrankan bařaran [Толковый словарь современного армянского языка. Тт. 1–4]. Ереван, 1969–1980, hh. 1–4.

А. Донабедян, Л.С. Овсепян, Р.К. Сакапетоян

ЗАПАДНОАРМЯНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

1.1.0. Западнoармянский литературный язык является одним из двух вариантов современного литературного армянского языка. Если восточнoармянский является государственным языком Республики Армения и языком обучения в армянских общинах Ирана, Индии и бывшего СССР, то западнoармянский — язык общения и преподавания в тех общинах армянской диаспоры, которые первоначально состояли из малоазийских армян и которые образовались, в основном, вследствие геноцида 1915 г. в Турции.

Однако в течение двух последних десятилетий вследствие эмиграции из Армении около двух миллионов армян восточноармянский вариант литературного языка, до тех пор представленный в западных общинах, в основном, беженцами из Ирана с 1980-х гг., более широко распространился в странах Западной Европы и Америки, что, наряду с присутствием в Республике Армения армян диаспоры, способствует взаимодействию между вариантами армянского литературного языка.

1.1.1. Варианты названия: западноармянский литературный язык (З.л.я.), турецко-армянский язык (устар.). Англ. *Western Modern Armenian, Standard Western Armenian*, фр. *arménien moderne occidental*.

Носители западноармянского варианта, как правило, называют его *hayerēn* 'армянский' (арм. *hay* 'армянин') или при противопоставлении с древнеармянским — *ašxharapar* 'новоармянский язык', или же, когда подчеркивается оппозиция с восточноармянским — *arewmdahayerēn* 'западноармянский'. Исторически, поскольку варианты новоармянского литературного языка сложились в эпоху, когда армянский мир был расчленен между Османской и Русской империями, западноармянский назывался по территориально-политическому признаку «турецко-армянским», в противоположность русско(российско)-армянскому (восточный вариант). В советский период из политических соображений в Армении было принято характеризовать З.л.я. как диалект, несмотря на то, что у западноармянского есть богатая художественная литература и четко кодированная грамматика. Однако, начиная с 60-х гг. XX в., оба варианта литературного армянского языка начали рассматриваться как равнозначные формы существования языка, и по сей день в Армении обозначаются как восточноармянский и западноармянский варианты литературного ашхабабара (новоармянского языка).

1.1.2. З.л.я. генеалогически относится к армянскому языку (см. 1.1.2. статьи «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании), поскольку представляет собой один из двух современных литературных вариантов этой самостоятельной ветви индоевропейских языков.

1.1.3. З.л.я. является языком диаспоры, поскольку ни в одной стране не является (и не являлся) государственным языком. Это язык общения и преподавания в армянских общинах, состоящих из малоазийских армян (см. список стран в таблице ниже, к которым можно добавить более ограниченные общины в Италии, Швейцарии, Болгарии, Великобритании, Нидерландах, Иордании и др.). Первая волна эмиграции малоазийских армян, в основном, в США, относится к периоду непосредственно после резни армян при Абдул-Хамиде II (1894–1896 гг.). Эмиграция приобрела массовый характер после геноцида армян в 1915 г. и греко-турецкой войны 1920–1922 гг., ее основными направлениями были США, Кипр, страны Западной Европы и Ближнего Востока; последняя волна армянской эмиграции из Турции состоялась после антихристианских погромов 1955 г. в Стамбуле. Затем, вследствие межнациональных конфликтов в регионе, эмиграция армян Ближнего Востока вновь усилилась в 1970-е гг. и продолжается до сих пор (в страны Западной Европы, США, Канаду и Австралию). По причине столь динамичных демографических процессов трудно определить размер западноармянских общин в диаспоре и тем более подсчитать в них число носителей языка. Принадлежность к армянской общине в диаспоре определяется, в основном, самосознанием. Однозначных объективных признаков, на которые могла бы опираться статистика, не существует, и при оценке обычно учитываются различные данные (число крещеных, количество подписчиков газет и журналов, чле-

нов объединений, количество армянских фамилий в телефонных справочниках и др.). Кроме того, после распада Советского Союза начался процесс массовой эмиграции из Республики Армения в зарубежные страны, вследствие чего в презенс невозможно определить соотношение носителей западноармянского и восточноармянского вариантов литературного языка в диаспоре.

В таблице приведено общее число лиц армянского происхождения в зарубежных странах, в которых традиционно преобладали носители З.л.я. Она отражает изменения в численности армянских общин этих стран за последние четыре десятилетия. В качестве исходных приводятся данные за 1965 г. как времени более или менее стабильного состояния, затем данные за 1991–1994 гг., когда начинается интенсивная эмиграция из Армении, и современное состояние на 2008 г. (см. также статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании, 1.1.3.)

Страна	1965 г., тыс. чел.	1991–94 гг., тыс. чел.	2008 г., тыс. чел.
США	350	1 400	1 700
Франция	140	180	550
Ливан	120	120	130
Аргентина	45	80	130
Сирия	150	120	100
Турция	200	65	80
Канада	8	65	50
Австралия	4	30	45
ФРГ	1	15	40
Греция	8	15	30
Бразилия	15	20	20
Уругвай	10	14	19
Ирак	20	22	10
Румыния	8	6	10
Кипр	3,6	3 – 3,5	3 – 3,5

Примечание: число лиц, называющих себя армянами во время переписи, может быть существенно ниже лиц армянского происхождения.

Рост численности армянских общин в Америке и Западной Европе обусловлен эмиграцией не только из Армении, но и из стран Ближнего Востока. Так, значительное число армян переселились из Турции в ФРГ, а из других стран Ближнего Востока — в Австралию и Америку. В Грецию в последнее время переселялись, в основном, армяне из бывшего СССР.

Приблизительная оценка доли носителей языка среди членов общин в разных странах варьируется от 90% в Ливане и Сирии до 30% в некоторых странах Западной Европы и, по всей видимости, менее этого в Турции.

Существует одна этнически неармянская община, языком общения которой является западноармянский. Это община ассирийцев, выходцев из региона Урфа в Турции, которые после 1915 г. укоренились в Алеппо (Сирия). Их язык общения — армянский диалект Урфы (Эдесса), и до 1970-х гг. большинство из них (особенно женщины) ходили в армянскую школу.

1.2.0. Лингвогеографические сведения

1.2.1. К западноармянскому языку относится ряд диалектов, которые составили разговорную основу литературного языка. В классификации диалектов Р. Ачаряна (1909) западная группа диалектов была выделена на основании изоглоссы образования презенса с частицей *-kə*. Несмотря на значительные изменения, которые претерпела с тех пор классификация западноармянских диалектов (в связи с чем следует упомянуть работу Г. Джаукяна 1972), этот критерий сохраняет актуальность. Общественные деятели, писатели, публицисты, преподаватели и даже члены духовенства, которые способствовали формированию З.л.я., были носителями константинопольского диалекта, а также диалектов центральных районов Малой Азии (гг. Ван, Эрзрум, Харберт, Сивас и др.). В презенс диалектных различий в речи носителей З.л.я. не наблюдается, за исключением недавних эмигрантов из региона Ближнего Востока. Однако в Сирии, Ливане и, в меньшей степени, в Турции до сих пор существуют общины, для которых характерна диглоссия «диалект + З.л.я.» или, чаще всего, диалект для общения в семье и общине носителей данного диалекта, стандартный западноармянский разговорный язык для неформального общения с теми, кто не владеет данным диалектом, и З.л.я. для формальных ситуаций. Реально большинство носителей З.л.я. существуют в ситуации триглоссии, общаясь за пределами общины на языке страны обитания (турецкий, арабский и др.). В данной статье предлагается лингвистическая характеристика З.л.я. Случаи различий между З.л.я. и стандартным разговорным языком оговариваются особо. Стандартный разговорный язык, который играет роль койне среди армянского населения Сирии, Ливана, Иордании, Египта и Израиля, не описан, он включает ряд диалектизмов и характеризуется явлениями редукции, вызванной неполным владением как З.л.я., так и языком страны проживания или учебы.

1.3.0. Социолингвистические сведения.

1.3.1. З.л.я., будучи языком диаспоры, всюду является языком национального меньшинства. В США и в Австралии меньшинства признаны и учитываются при переписи населения. В странах Ближнего Востока национальность (т. е. принадлежность к общине) указывается в паспорте. В Европейском Союзе, несмотря на «Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств», принятую Европейским Советом в 1992 г. в целях обеспечения прав носителей этих языков, З.л.я. пользуется официальным статусом только на Кипре и в Венгрии. Во Франции, где Хартия была подписана, но не ратифицирована парламентом после того, как Конституционный совет решил, что признание языков меньшинств противоречит конституции, был создан промежуточный статус «Языков Франции», признанный только министерством культуры, но по которому в какой-то степени поддерживаются армянские школы, издание литературы на армянском языке и академических исследований о З.л.я..

З.л.я. пользуются во всех сферах общения внутри общины: в общественных, религиозных, воспитательных, культурных, благотворительных, спортивных и др. организациях, в прессе, на радио- и телевизионных каналах общины. Радио существует во многих общинах на Ближнем Востоке, в США, Канаде и во Франции; в других странах (на Кипре, в Австралии) радиопередачи на армянском языке транслируются по публичным каналам в определенные часы, причем все большее место занимают передачи на восточноармянском варианте. Телевизионных каналов на З.л.я. нет, но в Ливане по двум частным телевизионным каналам ежедневно передаются новости на З.л.я. Телевизионные каналы на восточноармянском, по которым выступают также

носители З.л.я., смотрят по всей диаспоре, что тоже способствует контакту между двумя вариантами языка. Следует отметить, что основной объем издательской деятельности на З.л.я. в мире сосредоточен на Ближнем Востоке (в основном, в Ливане), а в западной диаспоре пресса и другие средства массовой коммуникации всегда являются двуязычными с языком страны проживания, в разных пропорциях, в зависимости от страны и от вида средства массовой коммуникации. Любопытно, что в рекламе и объявлениях чаще всего используется язык страны проживания, что свидетельствует об относительной эффективности этих языков среди читателей.

Сохранность З.л.я. является крайне актуальной темой. В феврале 2010 г. З.л.я. был включен в Красную книгу ЮНЕСКО как уязвимый язык (*definitely endangered*), что верно по отношению к ситуации З.л.я. в целом. В то же время, на Ближнем Востоке ситуация с З.л.я. благополучнее, чем в странах Запада, и он является там языком общения внутри общины для подавляющего большинства членов общины всех поколений.

Одноязычных носителей З.л.я. нет; можно считать, что даже на исторической родине, в Османской империи, все носители в большей или меньшей степени владели турецким. Среди старшего поколения часто встречались многоязычные носители. В современной диаспоре двуязычие всюду, в том числе на Ближнем Востоке (в Ливане скорее с французским или английским, чем с арабским), растет количественно и качественно в ущерб З.л.я., в основном, из-за представлений о престиже языка в современном мире. В этом контексте все больше проявляются смешанные формы речи, которые можно представить как континуум от армянской речи с большим количеством заимствований, в том числе заимствованных союзов или междометий (напр., англ. *so*, араб. *yani*, фр. *tiens*), до речи на ином языке с редкими армянскими лексемами для понятий, свойственных армянскому, или для эмоциональных выражений (со всеми возможными промежуточными стадиями). Эти формы речи являются очень лабильными и никаким статусом не пользуются. Однако они способствуют влиянию официальных языков коренного населения стран, где размещены армянские общины, на местные разговорные стандарты З.л.я. и, следовательно, тенденции З.л.я. к полицентрическому развитию. Таким образом, в разных общинах армянской диаспоры, под влиянием доминирующего языка страны проживания (французского, английского, испанского, португальского, греческого и др.) постепенно формируются местные территориально-обусловленные варианты З.л.я.: «французско-армянский», «американско-армянский», «аргентинско-армянский», «ливанско-армянский», «греческо-армянский» и др. Это влияние отмечается, в основном, в фонетике, в просодических особенностях (акцент, интонация) и в лексике (заимствования, кальки, словообразование, лексическая семантика). В частности, у «французских» армян наблюдается грассированное *r* [ʁ], у «греческих» — смешение звуков [ʒ] и [z] а также употребление простых глухих без придыхания, у «аргентинских» — смягчение конечного [l] и пр. Влияние языков коренного населения выражается также в различном фонетическом оформлении заимствованных слов. В восточноармянском заимствования обычно следуют русской транскрипции, в З.л.я. (как и в турецком) заметно традиционное стремление сохранить французское произношение, ср.: вост.-арм.: *akac'ia*, *alkohol*, *avtobus*, *avtomat* — зап.-арм.: *ak'asia*, *alk'ol*, *ot'obiis*, *ot'omat'ik* и др. В то же время в обоих литературных вариантах существует тенденция замены заимствований армянскими эквивалентами на основе словообразовательных возможностей родного языка.

Указанные «региональные» варианты З.л.я., как отмечалось, различаются главным образом на уровне фонетики и лексики и не являются препятствием для взаимопонимания между носителями по всей западной диаспоре.

1.3.2. Началом периода новоармянского языка, или ашхарабара, считается XVII в., когда, с одной стороны, под влиянием развития печати и духа Просвещения меняется отношение к письменности и уменьшается роль духовенства в культуре, а, с другой стороны, возрастает роль мобильного класса купцов из разных армянских регионов. Образуется общеразговорное ненормированное койне, так называемый «гражданский армянский», на котором проводятся первые попытки преподавания на ашхарабаре. Процесс нормализации новоармянского языка наступает в XIX в. под влиянием идей, породивших в Европе движение «Весны Народов». Среди армянской интеллигенции формируется общее мнение о том, что язык преподавания должен быть ближе к разговорному языку. Следовательно, новые литературные языки составлялись на основе самого распространенного среди интеллигенции диалекта, что послужило причиной разделения новоармянского литературного языка. В Османской империи диалектной основой З.л.я. послужил константинопольский диалект, а также частично ряд других западных говоров.

В наши дни З.л.я. характеризуется консервативностью в связи с отсутствием общепризнанного авторитета в области нормирования языка, что препятствует попыткам адаптировать литературную норму к основным изменениям в стандартном разговорном языке. По умолчанию, роль стандарта З.л.я. играет печатная продукция и школьные учебники в Ливане и Сирии.

1.3.3. Преподавание на З.л.я. в армянской диаспоре ограничено дошкольным, начальным и средним образованием. Несмотря на прилагаемые усилия, З.л.я. не используется в высшем образовании. В старших классах всех армянских школ диаспоры преподавание естественных наук ведется на официальном языке данной страны, так как перспектива получения высшего образования связана с вузами этих стран. В армянской диаспоре нет высших учебных либо академических заведений, где языком обучения или исследования был бы З.л.я. Вследствие этого отсутствуют условия и предпосылки создания учебной и научной литературы на З.л.я. Тем не менее, наличие издательской деятельности (пресса, публицистика, монографии) создает условия для разработки научной терминологии, нередко отличающейся от восточноармянского варианта литературного армянского языка.

В научных целях армянский язык со всеми его историческими и территориальными вариантами исследуется во многих зарубежных лингвистических и арменоведческих центрах (см. статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании, 1.3.3.).

В Армении З.л.я. всегда находился в сфере внимания армянского языкознания и педагогической науки, в основном, в целях подготовки учителей диаспоры и распространения учебников. Его изучению, в том числе в сопоставлении с восточноармянским вариантом, посвящен ряд научных трудов (монографий, диссертаций и статей), изданы словари лексики З.л.я., периодически выходят в свет произведения западноармянских писателей (как классика, так и труды современных авторов из диаспоры). В школьные программы включены темы по З.л.я. и литературе. В старших классах школ с гуманитарным уклоном предусмотрено их более углубленное изучение наряду с основами древнеармянского языка. В учебные программы факультетов армянской филологии вузов Армении введен обязательный курс З.л.я., пишутся курсовые и

дипломные работы. В Ереванском государственном университете в 2008 г. открыта общеуниверситетская кафедра З.л.я. Периодически проводятся курсы переподготовки и летние школы для учителей З.л.я. из диаспоры.

1.4.0. З.л.я. использует единый армянский алфавит, созданный в V в. н. э., и сохранил (как и восточноармянский в Иране) традиционные правила орфографии, разработанные для древнеармянского языка, тогда как восточноармянский, в основном, пользуется реформированной орфографией, принятой в Армении в 1922 г. и частично пересмотренной в 1940 г. (подробнее см. статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании, 1.4.0.). Эти различия не являются препятствием для взаимопонимания. В настоящей статье мы придерживаемся традиционной орфографии.

Основные систематические расхождения
между традиционной орфографией и фонологией З.л.я.

	Позиции		
	Начальная	Срединная	Конечная
Гласные		<i>ē</i> > [e]: <i>sēr</i> [ser] ‘любовь’ <i>ō</i> (<i>aw</i>) > [o]: <i>dōn</i> [don] ‘праздник’ <i>u</i> (<i>ow</i>) > [v] (между согласным и гласным): <i>stuer</i> [stver] ‘тень’	<i>ē</i> > [e]: <i>uzē</i> [uze] ‘хочет’
Дифтонги	<i>iw</i> > [ju]: <i>iwġ</i> [juv] ‘масло’	<i>iw</i> > [ju]: <i>ciwn</i> [tʰjun] ‘снег’ <i>ea</i> > [ja]: <i>geank</i> [gʲank ^h] ‘жизнь’ <i>oy</i> > [uj]: <i>koyu</i> [kujn] ‘цвет’ <i>eō</i> > [jo]: <i>arteōk</i> [artjok ^h] ‘разве’	
Согласные (сопородные)	<i>y</i> > [h]: <i>yačax</i> [hatʰax] ‘клиент’	<i>w</i> > [v]: <i>awaz</i> ‘песок’ [avaz] (между гласными)	<i>w</i> > [v]: <i>lav</i> [lav] ‘хорошо’, <i>tʰiw</i> [tʰiv] ‘число’ <i>y</i> > 0 (кроме односложных слов): <i>arkʰay</i> [ark ^h a] ‘король’, <i>mejarkoy</i> [med ^h arko] ‘почтенный’

Примечания: В круглых скобках приводится древнеармянская орфография (до XII в.), когда она отличается от современной традиционной. О применяемой транскрипции см. 2.0.0.

1.5.0. З.л.я. формировался в течение XIX в. Первые попытки нормализации языка были предприняты в 1853 г. Советом по обучению под руководством Н. Русиняна, но первой полной нормализованной грамматикой стала грамматика А. Айдиняна 1886 г., которая до сих пор считается эталоном. В течение XIX в. шла борьба между приверженцами нового литературного языка, в основном, представителями нового поколения, получившими высшее образование в Европе, и приверженцами грабара как единственно возможного литературного языка, в числе которых были Мхитаристская Конгрегация в Вене (армянский католический орден) и писатели-романтики. После 1885 г., когда в литературе стали преобладать реалистическая и натуралистическая школы, З.л.я. стал наиболее употребительным вариантом армянского языка в литературе, прессе и системе образования. С 1875 г. вновь возрастает интерес к диалектам, и в конце века появляется поколение писателей-«областников», которые допускают диалектные выражения или термины. В 1914 г. в Константинополе группа молодых писателей-авангардистов (А. Ошакан, Д. Варужан, К. Зарян и др.) создает движение “Mehean” и пишет манифест, провозглашающий необходимость создания единого (западно)армянского языка, использующего для своего обогащения все ва-

рианты армянского языка. Большинство членов движения погибли 24 апреля 1915 г., в день начала геноцида армян, но до сих пор их творчество считается вершиной З.л.я., уже нормализованного и одновременно новаторского, свободного и живого. После геноцида деятельность по нормализации и развитию З.л.я. переместилась в Бейрут. Педагог и драматург Л. Шант в 1920–1950 гг. предпринял попытки сближения З.л.я. с восточноармянским, которые не привели к ощутимым результатам. Грамматики З.л.я., издаваемые в наши дни в Ливане, чаще всего являются нормативными и предназначены для использования в школьном обучении.

1.6.0. Явления, обусловленные внешнеязыковыми контактами, восходят к эпохе формирования диалектов западной Армении, т. е. ко времени, когда западноармянский язык как таковой еще не сложился. В период между древнеармянским и новоармянским этапами развития армянский язык претерпел значительные типологические изменения, ряд которых специфичен для западного региона расселения армян и вызван отчасти внутриязыковыми тенденциями развития, а отчасти — интенсивными контактами армянского языка с турецким, начиная со среднеармянского периода.

На фонологическом уровне, по сравнению с грабаром, в западноармянском произошло передвижение рядов смычных и аффрикат (простые глухие перешли в звонкие, а звонкие — в глухие придыхательные). Это соответствует изменениям, происшедшим в среднеармянском, однако в отличие от трехрядной системы последнего (звонкие, глухие и глухие придыхательные), в западноармянском сохранилось только два ряда: звонкие и глухие придыхательные, с утратой простых глухих. Тем самым, фонология западноармянского сблизилась с фонологическими системами других языков малоазийского ареала (в том числе турецким), в то время как в восточноармянском сохранилась трехрядная система, а реализация простых глухих характеризуется легкой абруптивностью, что, в целом, характерно для языков Кавказа.

Передвижение смычных и аффрикат в З.л.я.

b	\searrow	g	\searrow	d	\searrow	j	\searrow	\check{j}	\searrow
$p' \rightarrow p'$		$k' \rightarrow k'$		$t' \rightarrow t'$		$c' \rightarrow c'$		$\check{c}' \rightarrow \check{c}'$	
$p \rightarrow b$		$k \rightarrow g$		$t \rightarrow d$		$c \rightarrow j$		$\check{c} \rightarrow \check{j}$	

В речи некоторых общин в странах, в основном языке которых нет придыхательных (напр., в греческом, французском, испанском, в отличие от английского, арабского и турецкого), придыхательные согласные произносятся как простые глухие во всех позициях, что дает основание говорить об утрате противопоставления по придыхательности в З.л.я. В орфографии сохраняется традиционная трехрядная система написания.

Влиянию турецкого можно приписать произношение палатализованного [ü] в качестве артикуляционного варианта звукосочетания [ju], восходящего к древнеармянскому дифтонгу *iw*: *ağpiwr* [aχpür] 'источник'. В начальной позиции (*iwg* 'масло', *iwr* 'свой') и в суффиксе *-ut* *iwn* всегда произносится [ju]: [juw], [jur], [-uthjun].

Явление интенсивной адъективной редупликации типа *lep* 'lec'un, 'битком набитый' < *lec* 'un 'полный', *kas-karmir* 'совсем красный' < *karmir* 'красный', которое касается в восточноармянском ограниченного количества прилагательных, в З.л.я. широко продуктивно, как и в турецком.

На морфосинтаксическом уровне среди инноваций, которые наблюдались уже в киликийском среднеармянском, а впоследствии стали особенностями западноармянского, некоторые также обусловлены ареальными факторами. К ним относится появление результативного перфекта на *-ac* (< др.-арм. адъективная морфема *-ac*): *k'ez desaj ē* 'он увидел тебя', наряду с древним перфектом на *-el* > *-er*, который приобрел дополнительные модальные значения (ср. развитие повествовательного перфекта во многих языках ареала двуязычия с турецким, от Балканского п-ова до Малой Азии). В XX в. возникли формы прогрессива, выраженного постпозитивной частицей *gor*: *gə xōsim gor* 'я (сейчас) говорю', сходной с тур. *-yor* во временных формах с тем же грамматическим значением. Формы прогрессива присутствуют в диалектах, непосредственно контактировавших с турецким языком, хотя форма показателя в них может быть другой.

Внешнеязыковыми контактами обусловлен порядок слов SOV в простом повествовательном предложении, появившийся в киликийском среднеармянском и воспринятый затем З.л.я.: *ays martə yergu girk' kraj ē* 'Этот человек написал две книги', *Maman kjakrut iwns šad sirec* 'Маме очень понравился мой рисунок'. Широкое распространение в разговорном языке причастных конструкций в противовес союзным конструкциям (не характерное в таком объеме восточноармянскому) также можно отнести за счет влияния турецкого языка: *Mēčə k'ani mə jağig tryaj jağgaman mə* 'Ваза, в которую было поставлено несколько цветков'.

2.0.0. Лингвистическая характеристика.

В настоящей статье примеры в армянской графике даются в традиционной орфографии. Примеры курсивом даются в транслитерации традиционной орфографии (см. статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании, 1.4.0.), но с отражением передвижения смычных, свойственного З.л.я. (см. 1.6.0.): *ḏhū ciwn* 'снег' (др.-арм. и вост.-арм. *jiwn*), *ḷtšūp geank* 'жизнь' (др.-арм. *keank*, вост.-арм. *ḷtšūp kyank*), *qñjū koyn* 'цвет' (др.-арм. *goyn*, вост.-арм. *qñjū guyn*). Графемы *ḷ* и *o* в начальной позиции передаются соответственно через *ye* и *vo*.

Примеры в квадратных или косых скобках представляют собой соответственно фонетическую или фонологическую транскрипцию, записанную с помощью знаков МФА.

2.1.0. Фонологические сведения.

2.1.1. Фонемный состав З.л.я., вследствие изменений под действием ареальных факторов, более ограниченный по сравнению с грабаром и восточноармянским. Всего в З.л.я. насчитывается 30 фонем (в восточноармянском 36 фонем).

Система гласных, которая в диалектах подвергается многочисленным изменениям, в З.л.я., наоборот, оказалась достаточно стабильной.

Г л а с н ы е

Подъем	Ряд		
	Передний	Средний	Задний
	Нелабиализованные		Лабиализованные
Верхний	i [i̥]		u
Средний	e	ə	o
Нижний		a	

В З.л.я., в отличие от грабара и восточноармянского, существует лабиализованный гласный [ü], который не полностью фонологизировался. Он является одной из реализаций древнеармянского дифтонга *iw*, наряду с [ju] или даже [uj]: *ariwn* ‘кровь’ [aɾjun] или [aɾün], *c’iwn* ‘снег’ [tʰujn] или [tʰün], в отдельных случаях допускается только [ü]: *aliwr* ‘мука’ [alür].

В определенном фонетическом контексте гласные назализуются (см. 2.1.3.), однако назализация зависит от наличия носовых гласных в языке страны проживания общины.

С о г л а с н ы е

По способу образования			По месту образования							
			Губные		Переднеязычные			Среднеязычные	Заднеязычные	Гортанные
			Губно-губные	Губно-зубные	Зубные	Альвеолярные	Альвео-палатальные			
Шумные	Взрывные	Зв.	b		d				g	
		Гл. прид.	pʰ		tʰ				kʰ	
	Фрикативные	Зв.		v	z		ʒ		ğ	
		Гл.		f	s		š		x	h
	Аффрикаты	Зв.			j		ʃ			
		Гл. придых.			cʰ		čʰ			
Сонорные	Носовые		m			n				
	Боковые					l				
	Плавные					r		y		

В системе согласных, помимо передвижения смычных и аффрикат, отмечается также утрата противопоставления между плавным *r* [r] и дрожащим *ṛ* [r̥] в пользу плавного, что приводит к появлению омофонов при сохранении различного написания. В некоторых позициях встречаются простые глухие, в основном, в силу комбинаторных изменений, напр., в сочетании *ղբ* [χp] (вост.-арм. [vb]): *yeğpayr* [eχrajɾ] ‘брат’; в позиции после глухих фрикативных: *harusd* [harust] ‘богатый’, *hayasdan* [hajastan] ‘Армения’, *mišd* [miʃt] ‘всегда’. Т. к. придыхательность является дополнительным признаком, реализуемым к тому же в речи не всех носителей З.л.я. (см. 1.6.0.), в фонетической транскрипции знак придыхательности будет опускаться.

2.1.2. Прородия и тип ударения в З.л.я. не отличаются от описанных для восточноармянского языка. Возможны различия в интонационном рисунке некоторых синтаксических единиц (фраз и предложений) под влиянием языков страны проживания, в частности, английского, французского, греческого.

2.1.3. Позиционная реализация фонем и просодем, в частности, ассимиляция, описанная для восточноармянского языка, из-за передвижения смычных происходит иначе. В случае прямого контакта взрывного (*b, p, d, t, g, k*) и фрикативного (*s, z, š, ž, x, ğ*), если один из них глухой, а другой звонкий, происходит ассимиляция по глухости (независимо от порядка следования фонем): *ağp* [aχp] ‘навоз’, *Hayasdan* [hajastan]

‘Армения’, причем ассимиляции не препятствует наличие эпентетического гласного (*tžkoh* [tʰʃ.koh] ‘недовольный’) или слоговой границы между согласными (*sgizp* [ʰs.kisp] ‘начало’, *sdanal* [ʰs.ta.nal] ‘получить’, *zkal* [ʰs.kal] ‘чувствовать’); см. 2.1.4. В редких случаях наблюдаются орфографические варианты, напр., слово *paχd* [paχt] ‘везение’ может записываться также *pağt*.

/a/ в сегментах /an/ и /am/ перед губно-губными смычными на стыке морфем назализуется: *anbayman* [ãmbajman] ‘обязательно’, *anšusd* [ãnʃust] ‘конечно’. Иногда это происходит также внутри корня: *amb* [ãmb] ‘облако’, или перед зубно-губным согласным: *anverč* [ãnvertʃ] ‘бесконечно’. Вероятность такой реализации возрастает при наличии назализованных гласных в языке страны проживания.

2.1.4. Структурные разновидности слога такие же, как в восточноармянском варианте. В З.л.я. сочетания фрикативных и взрывных (*sp*, *sk*, *zg* и др.) в начале слова (слога) произносятся с эпентетической протезой [ə], что приводит к образованию нового слога: *zkal* [ʰs.kal] ‘чувствовать’ (см. также примеры в 2.1.3.); в восточноармянском преобладает слитное произношение [zɡal, stanal, skizb].

Отмечаются также различия в позициях эпентетического гласного в корне:

Вост.-арм.	Зап.-арм.	Перевод
<i>bʰr-nʰk-vel</i>	<i>pʰ-rʰn-kdil</i>	‘вспыхнуть’
<i>ʰn-kʰč-vel</i>	<i>ʰng-jʰ-uil</i>	‘быть подавленным’
<i>kʰr-kʰn-vel</i>	<i>gʰrg-nʰ-uil</i>	‘повторяться’

2.2.0. Морфонологические сведения.

2.2.1. Морфонология, фонологическая структура морфемы, слога и слова З.л.я. такие же, как в восточноармянском варианте. Из-за свойственной З.л.я. тенденции к агглютинации в нем реже встречаются явления фузии и сандхи.

2.2.2. Фонологического противопоставления морфонологических единиц и категорий нет.

2.2.3. Чередования в современном армянском являются историческими (см. статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании, п. 2.2.3.). Традиционная орфография отражает древнеармянские чередования, которые в наши дни носят лишь этимологический характер, напр., долгое безударное /ē/ > /i/: *bardēz* ‘сад’ — *bardizban* ‘садовник’.

2.3.0. Семантико-грамматические сведения.

По морфонологической структуре новоармянский язык, в том числе и З.л.я., является флективно-агглютинативным, с преобладанием агглютинативной морфологии в именной парадигме, флективной морфологии в парадигме местоимений и со смешанной морфологией в глагольной парадигме.

В З.л.я. тенденция к агглютинации в морфологии имени более выражена, чем в восточноармянском, по той причине, что для именных основ не характерны чередования и редукция гласных в безударной позиции, присущие в основном, книжному стилю, ср. *dun* ‘дом’ — ген.-дат. *duni* (кн. *dan*); *lezu* ‘язык’ — ген.-дат. *lezui* [le-zu-i] (кн. *lezui* [lez-vi]); *šun* ‘собака’ — мн. ч. *šumer* (кн. *šner*); *kirk* ‘книга’ — мн. ч. *kirk'er* (кн. *krk'er*); *yergir* ‘страна’ — мн. ч. *yergirner* (кн. *yergrer*). В некоторых случаях чередования, в отличие от восточноармянского, не допускаются, ср. *kini* ‘вино’ — ген.-дат. *kinii* (вост.-арм. *gimu*).

Глагольная система совмещает морфонологические механизмы разных типов:

— флективные явления в личных показателях, кумулятивно выражающих лицо, число и время: *kid-ēir* ты знал, *gə xōsēir* ‘ты говорил’;

— агглютинативные явления в показателях вида (*xōse-c'-ay* 'я поговорил'), и особенно в показателях залога — пассивного (инфикс *-u-* [v]: *desnel* 'видеть' vs. *desn-u-el* 'видеться') и каузативного (инфикс *-c'n-*: *xağal* 'играть' vs. *xağ-c'n-el* 'дать играть');

— аналитические конструкции, состоящие из причастия и вспомогательного глагола (см. подробнее в 2.3.7.) или глагола в форме конъюнктива и частицы, как во всех формах индикатива, кроме аориста. Всего четыре глагола образуют синтетические формы презенса в индикативе: индик. *em* 'я есть' — кон. *əllam*; индик. *unim* 'я имею' — кон. *unenam*; индик. *kidem* 'я знаю' — кон. *kidnam*; индик. *grnam* 'я могу' — кон. *garenam*. Синтетическими формами являются императив, аорист и формы презенса и претерита конъюнктива некоторых глаголов.

2.3.1. Категориальные разряды слов (части речи) определяются на основании семантических и синтаксических критериев, а также, как и в восточноармянском, наличием (склонение и спряжение) или отсутствием (неизменяемые разряды слов) парадигматических разрядов (см. 2.3.4., 2.3.5) и наличием или отсутствием или способами выражения некоторых грамматических подкатегорий или отдельных граммем (см. 2.3.2., 2.3.3.). Таким образом, части речи характеризуются наличием внешней и внутренней флексии у существительных, наличием флексии и супплетивностью основ у местоимений, различием именного и местоименного склонений, наличием синтетических и аналитических конструкций в парадигме спряжения глагола. Склоняются также нефинитные глагольные формы (см. 2.3.7.), послелого и наречия (см. 2.3.4.).

2.3.2. Категория грамматического рода отсутствует. Значение женского рода может передаваться деривационным суффиксом *-uhi* (*usuc'ič'* 'учитель' — *usuc'č'-uhi* 'учительница'). В системе местоимений существует оппозиция «лицо» (*ov* 'кто'): «не-лицо» (*inč'* 'что'). В синтаксисе З.л.я. эта подкатегория (которая в восточноармянском выражается различным оформлением прямого объекта при переходном глаголе) играет лишь маргинальную роль при оформлении актантов (см. 2.3.4.). Зато эта оппозиция проявляется в выборе классификаторов *had* 'штука' или *hogi* 'человек' (букв. 'зерно' и 'душа'), которые используются вместе с квантификаторами при эллипсисе имени существительного: *k'ani hoki yegaw?* 'Сколько человек пришло?' — *yerek' had desay* 'Я видел троих (букв. 'три штуки видел)'. В разговорном языке наблюдается тенденция к систематическому использованию классификатора *had* с числительными даже при наличии имени существительного *hink₁ had₂ salor₃ hawak'ec' i₄* 'Я собрал₄ пять₁ [штук₂] слив₃'.

Категория к л а с с а в З.л.я. отсутствует. Распределение по типам склонения (иногда называемых классами) является чисто морфологическим, даже если некоторые из них сохранили частичную семантическую мотивированность. Между двумя литературными вариантами есть различия в выборе и оформлении основ по типам склонения. В З.л.я. очень сильно действует тенденция к выравниванию всех нерегулярных моделей склонения в пользу регулярной агглютинативной модели с генитивом на *-i* и без чередования в корне. Тем не менее, в З.л.я. сохранились четыре типа нерегулярных флективных классов, для которых применение нерегулярных форм определяется стилистическим выбором говорящего (литературный язык или ораторский стиль), или устойчивыми словосочетаниями.

1. Класс с генитивом на *-i*, который содержит менее двадцати слов, в основном, односложных и без общей семантической мотивированности. Морфологическая модель этого класса подвергается сильному давлению регулярного класса с генитивом

на *-i* и сохраняется, в основном, в устойчивых словосочетаниях (*gov-u gat* ‘коровье молоко’, *hay-u jagadagir* ‘судьба армянина’, ср. *ays žam-u-n* ‘в такое время’ vs. *žam-i-n* ‘во время’) или литературных текстах (*XIX-rd dar-u orēnk’nerə* ‘законы XIX века’).

2. Класс с внутренней флексией, состоящий из четырех подклассов: а) абстрактных имен на *-ut’iwn* (*urax-ut’iwn* ‘радость’, ген.-дат. *-ut’ean*, абл. *-ut’ēnē*, инстр. *-ut’eamp*), б) отглагольных имен на *-um* (*us-um* ‘учеба’, ген.-дат. *-man*, абл. *-umē*, инстр. *-tamp*), в) имен с генитивом на *-an* и регулярными остальными падежными формами, в которых *-an* является либо внутренней флексией, совпадая с конечным корневым *-n* (*šin* ‘собака’ — ген.-дат. *šan*, *dun* ‘дом’ — ген.-дат. *dan*), либо внешней флексией, при присоединении которой к слову выпадает как гласный корня, так и конечный корневой *-n* (прям. п. *tur* ‘дверь’ — ген.-дат. *tran*, прям. п. *ašin* ‘осень’ — ген.-дат. *ašnan*, прям. п. *ağčig* ‘девочка’ — ген.-дат. *ağčgan*, прям. п. *mug* ‘мышь’ — ген.-дат. *mgan*); к этой группе относится меньше десяти слов, г) имен с темпоральным значением с показателем генитива-дativa *-uan* [-van]: прям. п. *ōr* ‘день’ — ген.-дат. *ōrvan*; к этой группе также относятся имена *amis* ‘месяц’, *ařdu* ‘утро’, *kišer* ‘ночь’, *žam* ‘час’, *šapat* ‘неделя’, *dari* ‘год’, *c’oreg* ‘день, дневное время’ и др.

3. Класс с генитив-дativом на *-ou* [o], который содержит такие имена, как прям. п. *sēr* ‘любовь’ — ген.-дат. *siroy*, прям. п. *Asduaj* ‘Бог’ — ген.-дат. *Asdujoy* и географические названия на *-ia*: прям. п. *Asia* ‘Азия’ — ген.-дат. *Asioy*. За исключением устойчивых словосочетаний, употребление этих форм присуще книжному стилю.

4. Класс имен, обозначающих лицо и образующих формы косвенных падежей на основе нерегулярного генитива. К этому типу склонения относятся: а) имена с конечным *-r*, выражающие близкое родство (формальный признак — тип склонения на *-ay/-o*): прям. п. *hayr* ‘отец’ — ген.-дат. *hōr*, абл. *-hōrmē*, инстр. *hōrmov*, а также имена *mayr* ‘мать’, *eğpayr* ‘брат’; б) имена, выражающие родство и свойство (формальный признак — тип склонения на *-oj*): прям. п. *k’oyr* ‘сестра’ — ген.-дат. *k’roč*, абл. *k’ročmē*, инстр. *k’ročmov*, а также имена *gin* ‘жена, женщина’, *aner* ‘тесть’, *gesur* ‘свекровь’, *dal* ‘золовка’, *dakr* ‘деверь’, *ner* ‘ятровь (жена деверя)’, *ənger* ‘товарищ’, *dēr* ‘господин, хозяин’, *digin* ‘госпожа, хозяйка’; в) имена, образующие нерегулярное множественное число с собирательным значением: *dğay* ‘мальчик’ — мн. ч. *dğak* — ген.-дат. мн. ч. *dğoc* — абл. *dğoc’me* — инстр. *dğoc’mov*, *Hay* ‘армянин’ — ген.-дат. мн. ч. *Hayoc*, *mart* ‘человек’ — собир. мн. ч. *martik* ‘люди’ — ген.-дат. мн. ч. *martoc*.

5. Продуктивный тип склонения с дефектной парадигмой, к которому относятся собирательные имена (формально *pluralia tantum*), обозначающие род, семейство, родственников, сторонников, близких как совокупность, объединяемых на основе личного имени или семейного отношения (формальные признаки — отсутствие формы единственного числа, использование показателей собирательной множественности *-enk*, *-ank*, *-onk* при образовании множественного числа, тип склонения на *-k’/c*, производящая основа — личные имена и некоторые термины родства): *Aram-enk* ‘семья, ближние Арама’, *aner-ank* ‘семейство тестя’.

2.3.3. Категория ч и с л а в З.л.я. характерна для существительных, местоимений, числительных и глаголов. В существительных формально маркированы граммы множественности и собирательности. Основной показатель множественного числа *-er/-ner*. Алломорф *-er* характерен для односложных имен, и также для составных имен типа N_1-a-N_2 , где N_2 — односложная основа, а вся словоформа семантически сопоставима с генитивной конструкцией $N_{1ген.}N_2$ (*teğ₁-a-dun₂-er* ‘аптека’, букв. ‘дом₂

лекарств₁). В маркировании множественного числа сложных имен З.л.я. отличается от восточноармянского: в тех случаях, когда в последнем сложное слово оформляется показателем множественного числа односложных основ (по последней основе сложного слова), в З.л.я. может употребляться показатель для многосложных основ, поскольку сложное слово воспринимается как единое морфологическое целое. Ср., *xmp-a-bed* 'вожатый' (букв. 'группа-шеф') — мн. ч. *xmp-a-bed-er* (т.е. оформляется как односложное слово *bed* 'шеф, заведующий'), но *k'agak'-a-bed* 'мэр' (букв. 'город-шеф'), или *marz-bed* 'губернатор' (букв. 'область-шеф') в З.л.я., в отличие от восточноармянского, считаются цельными понятиями и принимают формант мн. ч. многосложных имен *-ner*. В некоторых случаях показатель множественного числа позволяет различить омонимы: *ceř-a-kir* — мн. ч. *ceř-a-kir-er* в значении 'ручное письмо, почерк', но *ceř-a-kir-ner* в значении 'рукопись'.

При присоединении к именной основе агглютинативного показателя множественного числа, как правило, не происходит изменения корневого гласного (*cug* 'рыба' — мн. ч. *cuger*) и, в отличие от восточноармянского, не восстанавливается этимологический *-n* основы (граб. *jukn* > *juk* 'рыба', ср. вост.-арм. мн. ч. *jkner*). У редких исключений существуют параллельные формы: *tur* 'дверь' — мн. ч. *turer/trer/trner*. Конечное немое *-y*, которое сохраняется в традиционной орфографии после конечных *-a* и *-o*, на стыке с морфемой *-ner* выпадает: *dgay* 'мальчик' — мн. ч. *dga-ner*.

Исторический показатель множественного числа *-k'* (с алломорфами *-ayk'*, *-ik'*, или же *-g* [-k] в случае слова *mart*, человек), приобретает деривационное значение (*mart-ik* 'люди, народ' vs. *mart-er* 'мужчины'; см. также выше 2.3.2. о собирательном значении показателей *-enk'*, *-ank'*, *-onk'*), либо стилистически маркирован (*dignayk'* 'госпожи' — грабаризм книжного или ораторского стиля при нейтральном *digin-ner*). Архаичные формы имен с историческими показателями множественного числа в косвенных падежах наблюдаются в устойчивых словосочетаниях *dingnanc' miut' iwn* 'женское объединение' или *hayoc' badmut' iwn* 'история армян/Армении'.

Способы образования множественного числа

Форманты	Условия выбора формантов	Примеры
<i>-er</i>	односложные основы и их эндогенные дериваты	<i>pař</i> 'слово' — мн. ч. <i>pařer</i> <i>teğadun</i> 'аптека' — мн. ч. <i>teğaduner</i>
<i>-ner</i>	многосложные основы	<i>seğan</i> 'стол' — мн. ч. <i>seğanner</i>
<i>-k'</i> , <i>ayk'</i> , <i>ig</i>	слово <i>mart</i> 'человек'	<i>mart</i> 'человек' — мн. ч. <i>martig</i> [martik]

Особым случаем является слово *jnoğk'* 'родители', где формант мн. ч. *-k'* уже не воспринимается как таковой, но, в отличие от слова *ač'k'* 'глаз', которое образовало новую регулярную форму мн. ч. *ač'k'-er*, остался без маркера множественного числа (морфологически *singularia tantum*) с собирательной семантикой: *jnoğk'₁-t₂ al uegan_{мн.3}?* 'пришли₃ и твои₂ родители₁?' (глагол согласуется во множественном числе). При этом в разговорном языке могут встречаться также формы *jnoğk'-ner* и *jnoğ-ner* (вторая, возможно, под влиянием восточноармянского).

Категория числа у личных местоимений выражается, также как в восточноармянском, супплетивизмом основ. Различие между двумя вариантами наблюдается только в формах личных местоимений 3-го лица: зап.-арм. *an* 'он' — *anonk'* 'они', вост.-арм. *na* — *nrank'*. Супплетивными основами выражаются не только лицо и число место-

имений, но и падежные формы одного местоимения, см. 2.4.0. Некоторые разряды местоимений (указательные, притяжательные, вопросительные и др.) принимают показатель множественного числа *-onk'*.

Число в глаголе выражается кумулятивно с лицом и временем следующими показателями: 1 л. *-nk'*, 2 л. *-k'*, 3 л. *-n*. Отличие З.л.я. от восточноармянского заключается в том, что в последнем нет спряжения на *-i*.

У ч и с л и т е л ь н ы х различия между двумя вариантами наблюдаются лишь в склонении числительного *ergu* 'два', где в З.л.я. имеется основообразующий элемент *-k'* (зап.-арм. *yerguk* 'i' 'двоих' *yerguk* 'ov' 'двоими') при вост.-арм. *-s*.

Правила согласования по числу между членами предложения соответствуют общим правилам армянского языка. Согласование имеет место только между подлежащим и сказуемым (глаголом или копулой), притом сочинение подлежащих вызывает согласование сказуемого во множественном числе (см. статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании, 2.3.3.). В именной синтагме нет согласования по числу, а при наличии числительного имя может не иметь показателя множественного числа, употребление которого зависит от набора семантических параметров (степени определенности имени) и от лексической семантики имени (указывает ли оно на отдельные объекты или на единицы измерения и т. п.).

2.3.4. Местоимения в З.л.я. имеют шесть падежных форм, а имена — четыре:

Местоимение	Имя
Номинатив (именительный)	Прямой падеж
Аккузатив (винительный)	
Генитив (родительный)	Генитив-датив
Датив (дательный)	
Аблатив (отложительный)	Аблатив
Инструменталис (творительный)	Инструменталис

Подлежащее, выраженное местоимением, имеет форму номинатива, выраженное именем — форму прямого падежа, прямое дополнение оформляется аккузативом (местоимение) или прямым падежом (имя). У имен подлежащее и прямое дополнение формально различаются только порядком слов (SOV): *K' aḡak' abed₁ hagaragort₂ lsec₃* 'Мэр₁ послушал₃ противника₂'. При смене фокуса порядок слов меняется, что может приводить к неоднозначности: *Maman_{прям. п.} Vartan_{прям. п.} gə sire* может означать 'Мама любит Вартана' или 'Маму любит Вартан'. В разговорном языке широко распространено оформление прямого дополнения генитив-дативом: *Maman Vartan-_{ген.-дат.-n} ge sirē* 'Мама любит Вартана' vs. *Mamay-i_{ген.-дат.-n} Vartanə gə sirē* 'Маму любит Вартан' (считается ненормативным). Литературная норма допускает такое маркирование прямого дополнения для ограниченного числа глаголов, напр., *spasel* 'ждать', *xnayel* 'беречь, щадить', *nerel* 'прощать': *taksin_{прям. п.} spasel* 'ждать такси' — *mekun_{ген.-дат.} spasel* 'ждать кого-л.'; *hac_{д_{прям. п.}} xnayel* 'беречь хлеб' — *meḡavorin_{ген.-дат.} xnayel* 'пощадить виновного' *partk_{д_{прям. п.}} nerel* 'простить долг' — *ašakertin_{ген.-дат.} nerel* 'простить ученика'. Однако этот вопрос, как в целом управление глагола в З.л.я., редко находит однозначный ответ в грамматиках и остается пока спорным. В литературном стандарте подлежащее и прямое дополнение получают различное падежное оформление только в случае с именами собственными, при этом дополни-

тельным средством различения синтаксических актантов является артикль, который недопустим при подлежащем, но обязателен при прямом дополнении: *Vartan-0 Šušan-ə_{арт} hamozec* 'Вартан убедил Шушан'.

Косвенное дополнение выражается генитив-дательным, обычно имеющим значение адресата или реципиента: *Ays₁ kirk'ə₂ k'ezi₃ген.-дат. dui₄* 'Я тебе₃ дал₄ эту₁ книгу₂'. Некоторые глаголы управляют генитив-дательным прямого дополнения: *oknel* 'помогать', *direl* 'владеть', *garōdnal* 'соскучиться', *cernargel* 'предпринимать', *parewel* 'здороваться' и др., но список таких глаголов (около 30) в грамматиках варьирует.

Посессивное и атрибутивное значения выражаются:

1) генитив-дательным имени: *xoz-i_{ген.-дат.} mis* 'свинина' (букв. 'свиньи мясо'), *traci-i_{ген.-дат.-n} zawagə* 'ребенок соседа';

2) притяжательными местоимениями, восходящими к генитиву личных местоимений, но в качестве притяжательных они имеют собственную парадигму склонения: *im* 'мой', *k'u* 'твой', *ir/anor* 'его', *mer* 'наш', *cer* 'ваш', *irenc'/anonc'* 'их'. При субстантивации, в отличие от восточноармянского, оформляются притяжательными постфиксами *-s*, *-t*, *-n* в зависимости от лица: *im-s* 'мой', *imin-ner-s* 'мой', *k'ugt't* 'твой', *k'ugin-ner-t* 'твой' и т. д.;

3) притяжательными постфиксами (местоименные энклитики в грабаре), которые в 3-м лице совпадают с определенным артиклем (*-n/-ə*, см. 2.3.6.), фактически представляя собой его маркированную форму: *kirk'-s* 'моя книга', *kirk'-t* 'твоя книга', *kirk'-ə* '(его/определенная) книга'. Множественность обладателя маркируется инфиксом *-n(i)* (восходящим к одному из показателей ср.-арм. множественного числа), а множественность обладаемого — аффиксом *-er/-ner*: *kirk'-er-s* 'мои книги'.

Передача притяжательности при именах

	Число обладаемого	
	Ед. ч.	Мн. ч.
Мой	<i>namag-s</i> 'мое письмо'	<i>namag-ner-s</i> 'мои письма'
Твой	<i>namag-t</i> 'твое письмо'	<i>namag-ner-t</i> 'твои письма'
Его	<i>namag-ə</i> 'его письмо'	<i>namag-ner-ə</i> 'его письма'
Наш	<i>namag-ni-s</i> 'наше письмо'	<i>namag-ner-ni-s</i> 'наши письма'
Ваш	<i>namag-ni-t</i> 'ваше письмо'	<i>namag-ner-ni-t</i> 'ваши письма'
Их	<i>namag-ni-n</i> 'их письмо'	<i>namag-ner-ni-n</i> 'их письма'

Притяжательные формы могут склоняться: *dun-er-n-u_{ген.-дат.-s}* 'наших домов', *namag-ner-n-ə_{абл.}-s* 'из наших писем' и т. п. В З.л.я., отличие от восточноармянского, при образовании форм множественного числа нет ограничений на количество слогов в словах, обозначающих объект обладания.

В З.л.я. притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица единственного числа употребляются обязательно с соответствующим притяжательным постфиксом: *im kirk'-s* 'моя книга', *k'u kirk'-t* 'твоя книга'; остальные употребляются с артиклем: *ir/anor kirk'-ə* 'его книга', *mer kirk'-ə* 'наша книга', *irenc'/anonc' kirk'-ə* 'их книга'; ср. восточноармянский, где норма требует употребления единого для всех лиц артикля со всеми притяжательными местоимениями: *girk'-s*, но *im girk'ə* 'моя книга'.

Обстоятельные значения выражаются падежными формами, сочетанием предлога/послелога с падежной формой имени или наречиями. Как и в вос-

точноармянском, определенный артикль функционирует как формальный показатель датива, употребляясь при обстоятельствах места со значением местонахождения (*p'ogoc* '1-*ə* опр. арт. *gə₂ k'alem₃* 'Я хожу₂₋₃ по улице₁'; ср. отсутствие артикля при обозначении направления движения: *p'ogoc* '-*θ* ič'ir 'Спускайся на улицу'). Локативное значение может выражаться также аналитически, формой генитива-датива с послелогом *mēj*: *dun-i* ген.-дат. -*n₁* *mēc₂ šad₃ dak₄ ē₅* 'В₁ доме₁ очень₃ жарко₄ [есть₅]' vs. *dun-ə* опр. арт. *ov ga* ? 'Дома кто?'.

Виды обстоятельств места и способы их выражения

	Имя собственное места	Тип пространства или здания	Место, названное по характерной деятельности или профессии	Другие понятия и относительное местонахождение
Местонахождение (инессив)	прямой падеж и нулевой артикль: <i>P'ariz-<i>θ</i> g-abrim</i> 'живу в Париже'	прямой падеж и определенный артикль: <i>dun-ə gə mnam</i> 'я сижу дома' <i>k'agak -n enk</i> 'мы в городе'	генитив-датив без артикля: <i>tas-i g'ert'am korj-i</i> , <i>harsnik 'i, hac 'i</i> 'иду на урок, на работу, на свадьбу, за хлебом'; с артиклем: <i>sap'rič' -i-n g'ert'am</i> 'иду к парикмахеру'	послелого: <i>hrcuank 'i meč</i> 'в веселье' послелого именного происхождения с определенным артиклем: <i>bad-i-n yedew-ə</i> 'за стеной'
Направление (аллатив)	прямой падеж и нулевой артикль: <i>P'ariz-<i>θ</i> g-ert'am</i> 'еду в Париж'	прямой падеж и нулевой артикль: <i>dun-<i>θ</i> g-ert'am</i> 'иду домой' <i>k'agak -<i>θ</i> g-ičnam</i> 'спускаюсь в город'	генитив-датив: <i>tas-i em</i> 'я на уроке' <i>sap'rič' -i-n em</i> 'я у парикмахера'	послелого с нулевым артиклем: <i>bad-i-n yedew-<i>θ</i></i> <i>anc'aw</i> 'он прошел за стену'
Отправной пункт/исходная точка	Аблатив <i>Aram-ēn yegav</i> '(это) пришло от Арама' <i>yekeğec 'i-ēn yelav</i> 'вышел из церкви' <i>tas-ēn yegav</i> '(он) вернулся после урока'			

Инструменталис редко употребляется с именами лиц, поскольку находится в дополнительном распределении с послелогом *hed 'c*: *dedragov yegav* 'он пришел с тетрадью' vs. *d' noren-i-n hed yegav* 'он пришел с директором'. Однако в другом синтаксическом окружении он встречается без ограничения: *K'nnič'ə dnorenov miayn gə hedakrk'ri*, 'контролер интересуется только директором'.

Локативные послелого имеют в основном именное происхождение, предлоги — унаследованы из древнеармянского. Управляющие генитивом послелого именного происхождения склоняются и могут выступать вершиной именной синтагмы, ср. *seğan-i-n₁ vray₂ inč' ₃ gay₄?* 'Что₃ [есть₄] на₂ столе₁? (без артикля), *seğan-i-n vra-n ağdod ē* 'на столе грязно' или 'поверхность стола грязная' (с определенным артик-

лем). Послелогои-наречия, управляющие, в основном, аблативом, могут употребляться с определенным артиклем (*ners-a dak ē* 'Внутри — жарко').

Большинство послелогов склоняется,; *seġan-i-n₁ vray-ē_{абл.}-n₂ hanē₃* 'сними₃ со₂ сто_{ла}₁'. Исключением являются послелогои двух типов (помечены в таблице как «неизм.»): 1) происходящие от окаменевших форм других частей речи: например, сочетаний предлогов (*y-ed-ou* 'потом, после', букв. 'в-за-локатив'), именных форм с артиклем (*an-ti-n* 'в ту сторону; от', букв. 'та-сторона+опр. арт.') и старых причастий (*skseal* 'начиная с'); 2) непроизводные послелогои, управляющие дативом: *inji-i_{дат.} hamar₂* 'для₂ меня₁'; из них только *hed* 'с, вместе с' может принимать притяжательный постфикс, ср. *inji-i_{дат.} hed yegur* 'приходи со мной' = *hed-s_{мой} yegur*).

О с н о в н ы е п о с л е л о г и З.л.я.

Основные послелогои	Значение	Пример
Генитив + <i>k'ov</i>	у; рядом с; мимо	<i>seġanin k'ov</i> 'у стола'
Генитив + <i>dag</i>	под	<i>seġanin dag</i> 'под столом'
Генитив + <i>vray</i>	над; на	<i>seġanin vray</i> 'на столе'
Генитив + <i>mēč</i>	в; внутри	<i>seġanin mēč</i> 'в столе'
Генитив + <i>a'rač</i>	перед	<i>seġanin a'rač</i> 'перед столом'
Генитив + <i>yedew</i>	за	<i>seġanin yedew</i> 'за столом'
Генитив + <i>tēm, timac</i>	(на)против	<i>seġanin tēm/timac</i> 'напротив стола'
Генитив + <i>mēčdeg</i>	в середине	<i>seġanin mēčdeg</i> 'в середине стола'
Датив + <i>hamar</i> (неизм.)	для	<i>inji hamar</i> 'для меня'
Датив + <i>hed</i> (искл.)	с	<i>inji hed</i> 'со мной'
Датив + <i>bēs</i> (неизм.)	как (качеств.)	<i>inji bēs</i> 'как я'
Датив + <i>č' ap'</i> (неизм.)	как (количеств.)	<i>inji čap'</i> '(столько,) сколько я'
Аблатив + <i>he'ru</i>	далеко от	<i>seġanēn he'ru</i> 'далеко от стола'
Аблатив + <i>antin</i> (неизм.)	по ту сторону от	<i>seġanēn antin</i> 'по ту сторону от стола'
Аблатив + <i>ver</i>	выше	<i>seġanēn ver</i> 'выше стола'
Аблатив + <i>var</i>	ниже	<i>seġanēn var</i> 'ниже стола'
Аблатив + <i>ners</i>	внутри	<i>hamalsaranēn ners</i> 'внутри/ в рамках университета'
Аблатив + <i>a'rač</i>	до	<i>tasēn a'rač</i> 'до урока'
Аблатив + <i>verč</i>	после	<i>tasēn verč</i> , 'после урока'
Аблатив + <i>yedoy</i> (неизм.)	после	<i>tasēn yedoy</i> 'после урока'
Аблатив + <i>skseal</i> (неизм.)	начиная с	<i>2013-ēn skseal</i> 'начиная с 2013 г.'
Аблатив + <i>iver</i> (неизм.)	с	<i>2013-ēn iver</i> 'с 2013 г.'
Инструменталис + <i>yanterj</i> (неизм.)	вопреки	<i>polor lujumnerov yanterj</i> 'вопреки всем решениям'

Предлоги З.л.я.

<i>minč'ew</i> + аккузатив	«до»	<i>minč'ew dun</i> 'до дома'
<i>tēbi</i> + аккузатив	«к»	<i>tēbi yağt'anag</i> 'к победе'
<i>ast</i> + акк./датив	«по мнению»	<i>ast is</i> (+ акк., единичное употребление) 'по моему мнению'; <i>ast dnōrēnin</i> (+ дат., стандартное употребление) 'по мнению директора'
<i>iprew</i> + аккузатив	«как; подобно»	<i>iprew arjiv</i> 'как орел'
<i>vorbēs</i> + аккузатив	«как; в качестве»	<i>vorbēs dnōrēn</i> 'в качестве директора'
<i>ařanc</i> + датив	«без»	<i>ařanc inji</i> 'без меня'
<i>hagařag</i> + датив	«несмотря на»	<i>hagařag anrewin</i> 'несмотря на дождь'
<i>pac'i</i> + аблатив	«за исключением»	<i>pac'i mezmē</i> 'кроме нас'

Все предлоги — неизменяемые, так как их грамматикализация завершена уже в древнеармянском.

2.3.5. Структура глагольной лексемы (простая либо с основообразующими суффиксами, а также с суффиксами пассива, возвратности, взаимности, многократности и каузатива), способы образования презентных и перфективных основ, их функции и дистрибуция в парадигме, в основном, одинаковы в обоих вариантах. Различия имеются в способах образования временных форм. В З.л.я. презенс и имперфект индикатива имеют синтетическую форму вместо аналитической в восточноармянском (зап.-арм. през. *gə krem* 'пишу' — имперф. *gə krēi*, ср. вост.-арм. през. *grum em* — имперф. *grum ei*).

Набор в и д о - в р е м е н н ы х граммем в обоих вариантах армянского языка практически совпадает, но формальное их выражение сильно различается, см. 2.4.0.

В З.л.я. формы с частицей *gə*, которые в восточноармянском имеют условное значение, образуют презенс и имперфект индикатива, но в определенных контекстах могут приобретать условное значение (сопоставимое со значением вероятного действия в будущем восточноармянского кондиционалиса): *hok mi əner, gu kam!* 'Не волнуйся, я **приеду!**', ср. также случаи употребления таких форм в аподосисе условных предложений: *yet ē kidnayi gu kayi* 'Если бы я знал, я **бы пришел**'. Помимо форм общего презенса и имперфекта, имеющих хабитуальное значение, в разговорном западноармянском есть формы прогрессивного презенса (настоящее II) и претерита (имперфект II), образуемые постпозитивной частицей *gor* и формами презенса и имперфекта: *gə krem gor* 'я (сейчас) пишу', *gə krēi gor* 'я (в тот момент) писал'. Образование и значение аориста примерно совпадает в обоих вариантах.

В армянском языке имеются две серии форм с перфектными причастиями, см. 2.3.7. В З.л.я. аналитические формы с причастием на *-aj* стали модально нейтральными формами перфекта (прошедшее I) и плюсквамперфекта (давнопрошедшее I), тогда как в восточноармянском (*-ac*) они не вполне грамматикализованы и имеют значение результатива. Формы на *-er* в З.л.я. имеют значение эвиденциалиса («прошедшее II» и «давнопрошедшее II»), выражают различные субъективные отношения говорящего к содержанию высказывания, например, пересказывательность, умозаключения на основании ранее известных фактов, недоверия, недовольства, иронии либо презрения), которое в восточноармянском является вторичным значениям перфекта (на *-el*).

Значение будущего выражается формами с частицей *bidi* (*bidi krem* 'буду писать'), а также, дополнительно к модальным значениям, формами дебитива (*krelu em*) и

конъюнктива (*krem*). Форма кондиционалиса (*bidi krēi*) имеет дополнительное значение будущего в прошедшем.

В категории з а л о г а в З.л.я. формально противопоставлены актив (действительный) и пассив (страдательный), частично также медий (средний залог). Показателем пассива, как и в восточноармянском, является суффикс *-u-* [v], однако в З.л.я., где сохранился тип спряжения на *-i*, все пассивные формы спрягаются по этому типу, тогда как в восточноармянском активная и пассивная формы относятся к одному типу спряжения. Ср. зап.-арм. акт. *krel* 'писать' — пассив. *kruil* 'писаться', вост.-арм. *grel* — *grvel*. В обоих вариантах имеются также глаголы, в которых суффикс *-u/-v-* имеет значение не пассива, а взаимности или возвратности, причем в З.л.я. эти глаголы, по сравнению с исходными активными формами, меняют тип спряжения (с *-el* на *-il*), ср. зап.-арм. акт. *kr̄gel* 'обнимать' — пассив. *kr̄guil* 'обниматься' (вост.-арм. *gr̄kvel*); зап.-арм. акт. *hampurel* 'целовать' — пассив. *hampuruil* 'целоваться' (вост.-арм. *hamburvel*); зап.-арм. акт. *sap'rel* 'брить' — пассив. *sap'ruil* 'бриться' (вост.-арм. *sap'rvel*); зап.-арм. *sandrel* 'причесать' — пассив. *sandruil* 'причесаться' (вост.-арм. акт. *sanrel* — пассив. *sanrvel*) и т. п. В восточноармянском в некоторых глаголах среднего залога суффикс *-v-* выступает в качестве словообразовательного элемента, т. е. без суффикса эти глаголы не употребляются: *bnakvel* 'проживать', *gangatvel* 'жаловаться', *harjakvel* 'нападать', *hamarjakvel* 'сметь, осмелиться' и т. д. Западноармянские эквиваленты этих глаголов не имеют суффикса *-u-*, но относятся к типу спряжения на *-i*: *pnagil*, *kankadil*, *harcagil*, *hamarcagil*. В восточноармянском глаголы в пассиве с суффиксом *-v-* при отсутствии активного субъекта могут выступать также как глаголы среднего залога в форме пассива: *havak'el* 'собирать' — *havak'vel* 'быть собранным' и 'собираться', *c̄rel* 'согнуть' — *c̄rvel* 'быть согнутым' и 'сгибаться', *ktrel* 'обрывать' — *kt̄rvel* 'быть оборванным' и 'оборваться', напр., *k'amin kt̄rec' larerə* 'Ветер оборвал провода' — *larerə kt̄rvec'in k'amuc'* 'Провода были оборваны ветром', *mi k'ani teḡ larerə kt̄rvec'in* 'в нескольких местах провода оборвались'. В З.л.я. такой омонимии нет, а имеется трехчленная оппозиция з а л о г о в: актив, пассив и медий, причем показателем пассива выступает суффикс *-u*, а медия — переход в спряжение на *-i* (без суффикса *-u*): *j̄rel* 'согнуть' — *j̄ril* 'согнуться' — *j̄ruil* 'быть согнутым', напр., *tarpinə yergat'ə j̄rec'* 'Кузнец согнул железо', *yergat'ə c̄rec'av berin tak* 'Железо согнулось под грузом', *yergat'ə c̄ruec'av tarpinin koḡmē* 'Железо было согнуто кузнецом'. Однако такой трехчленной оппозицией обладает только небольшой подкласс переходных глаголов с особой семантикой (*mašel* 'износить', *mašil* 'износиться', *mašuil* 'id.', *godrel* 'разбить', *godril* 'разбиться', *godruil* 'id.', *vařel* 'сжечь', *vařil* 'сжечься', *vařuil* 'id.', *p'agel* 'приклеить', *p'agil* 'приклеиться', *p'aguil* 'id.' и некоторые др.). Аорист пассива в З.л.я. имеет особые окончания, а в восточноармянском актив и пассив различаются только суффиксом пассива *-v/-u-*, при одинаковых окончаниях: зап.-арм. аор. *krec'i* 'писал' — пассив. *kruec'ay*, *kruec'ar*, *kruec'av*; ср. вост.-арм. аор. акт. *grec'i* — пассив. *grvec'i*, *grvec'ir*, *grvec'*.

Категория п е р е х о д н о с т и в З.л.я., включая каузатив, не является грамматической и имеет те же семантико-функциональные оппозиции, как и в восточноармянском, но каузативные глаголы проявляют различия в парадигме спряжения: в инфинитиве и презентной основе в обоих вариантах они одинаковы, получают суффиксы каузативности *-ac'n*, *-ec'n*, *-c'n*, но различаются оформлением перфективных основ. Перфективная основа в восточноармянском образуется чередованием суффик-

сов: *-ac 'n/-ac 'r*, *-ec 'n/-ec 'r*, *-c 'n/-c 'r*, т. е. элемент суффикса *-n* меняется на *-r*. В З.л.я. к перфективной основе глаголов активного и среднего залогов присоединяется суффикс каузативности *-uc*: *parcranal* 'подниматься', *parcrac 'nel* 'поднимать', *parcrac 'uc 'i* 'я поднял', *ičnel* 'спускаться', *ičec 'nel* 'спускать', *ičec 'uc 'i* 'я спустил', *gartal* 'читать', *gartac 'nel* 'дать (каузировать) читать', *gartac 'uc 'i* 'я дал прочитать'. Каузативные глаголы различаются в обоих вариантах армянского языка также в императиве, ср. зап.-арм. *parcrac 'ur* 'подними', *parcrac 'uc 'ek* 'поднимите' — вост.-арм.: *barjrac 'ru*, *barjrac 'rek*.

В З.л.я. имеется пять наклонений: индикатив (изъявительное), конъюнктив (желательное, оптатив), кондиционалис (условное), дебитив (принудительное) и императив (повелительное), образование которых сильно отличается от восточноармянского.

Н а к л о н е н и я

Время	Индикатив	Конъюнктив	Кондиционалис	Дебитив	Императив
Презенс	<i>gə krem</i>	<i>krem</i>	<i>bidi krēi</i>	<i>krelu em</i>	<i>krē</i>
Претерит	<i>gə krēi</i>	<i>krēi</i>	—	<i>krelu ēi</i>	

Императив образуется с помощью окончаний *a* или *-e* — в единственном числе (восточноармянский формант *-r* встречается в каузативе, а также у неправильных глаголов) и *-k* — во множественном числе.

2.3.6. Категория определенности выражается определенным артиклем *-n/-ə*: *-n* употребляется после основ на гласный (*gadu-n* 'кошка_{опр.}'), *-ə* — после основ на согласный (*šun-ə* 'собака_{опр.}'). Если за артиклем *-ə* следует слово с начальным гласным, он может, при слитном произношении, быть заменен на *-n*: *Dikran-n aysōr bidi kay* 'Тигран сегодня придет'. Замена артикля *-ə* на *-n* обязательна перед энклитическим союзом *al* 'и; тоже, также; еще' и вспомогательными («бытийными») глаголами: *miwsn al* 'и другой тоже', *kirk 'n ē* '(Это — та самая) книга', *k 'agak 'n ēin* '(Они) были в городе'. Замены артиклей не происходит перед эмфатическим ударным наречием *al* 'больше (не); вовсе; совсем': *Aram-ə al bidi č 'erkē* 'Арам больше не будет петь', *keđin-ə al ciwn č 'mnac* 'Снега на земле совсем не осталось'. В З.л.я. определенный артикль может быть опущен а) при подлежащем-имени собственном в позиции перед глаголом: *Aram megnec 'aw* 'Арам уехал' (см. выше, 2.3.4. о дифференцированном маркировании актантов), однако, если имя собственное оканчивается на гласный, артикль сохраняется: *Mari-n ingaw* 'Мари упала', б) при подлежащем-имени собственном и прямом дополнении, также выраженном именем собственным: *Aram Anahidə gə sirē* 'Арам любит Анаид', в) при подлежащем-географическом названии: *Ani Bagratuneac ' mayrak 'agak 'n ēr* 'Ани была столицей Багратидов', *Ep 'rat ergu klxavor jiwg uni* 'У Евфрата два главных ответвления', г) при имени-географическом названии в функции обстоятельства места (см. 2.3.4.). Кроме того, определенный артикль не употребляется с неоформленным субъектом (в случае нейтрализации категории числа). Такое оформление имени нередко в позиции объекта (**zawag-0 uni** 'у него есть **ребенок/дети**'), в позиции подлежащего оно в принципе не допускается, за исключением особых конструкций, которые можно характеризовать как неаккузативные, или неличные (*yačaxort-0 mdaw* 'Клиент(ы) вошел/вошли'). О кумулятивном выражении притяжательности артиклем см. 2.3.4.

Помимо выражения грамматического значения определенности и некоторых обстоятельственных значений, определенный артикль выступает как дополнительный падежный показатель (см. 2.3.4.). Артикль обязательно сопутствует указательным местоимениям: *ays dun-ə* 'этот дом' (**ays dum*). Под влиянием разговорного языка и, отчасти, восточноармянского варианта, определенный артикль в З.л.я. употребляется с генитивом: *xanut-¹i-¹i_{ген.} dēr-er_{мн. ч. -u_{ген.} -n_{опр. арт.} dġa-n_{опр. арт.} ē}* 'Он сын владельцев магазина' vs. *vor xanut¹-i-n_{опр. арт.} dererun dġan ē?* 'Какого магазина владельцев он сын?', *amusinin₁ daretarts-i-n₂ or-ə₃ morc^{er₄} ē* 'Она забыла₄ дату₃ дня рождения₂ мужа₁', причем вероятность наличия артикля в такой позиции выше в случае, если имя обозначает одушевленный объект. Подобное употребление определенного артикля в З.л.я., в отличие от восточноармянского, не кодифицировано и не описывается в нормативных грамматиках. В З.л.я., впрочем, отношения генитива и датива с артиклем не симметричны: если отсутствие определенного артикля при имени в генитиве может быть семантически немотивированным, то наличие артикля при имени в дативе всегда мотивировано.

В З.л.я., как и в восточноармянском весьма продуктивна субстантивация прилагательного путем прикрепления к нему артикля: *sew-ə* 'черный цвет' или 'тот, который черный'. Вторичной субстантивации может подвергаться также генитивное именное определение: *trac¹-i-¹i_{ген.} -n_{опр. арт.} dun₂-ə_{арт.}* 'дом₂ соседа₁' *trac¹-i-¹i_{ген.} -ə_{опр. арт.}* 'тот, который принадлежит соседу₁'; или наречие: *timac¹-i-¹i_{ген.} dun₂-ə* 'дом₂, который напротив₁'.

Неопределенность выражается либо отсутствием артикля (нулевой артикль или неоформленное имя, см. выше), либо постпозитивным неопределенным артиклем *mə*, восходящим к числительному *mi* 'один' (в восточноармянском употребляется препозитивно), ср. зап.-арм.: *dun mə* 'дом_{неопр.}' (вост.-арм. *mi tun*). Перед вспомогательными глаголами и энклитическим союзом *al* неопределенный артикль *mə* имеет форму *mən* (по тем же дистрибутивным правилам, что и определенный артикль *-ə/-n*): *orinabah mart mən ē* '(он) законопослушный человек', *or₁ mən al₂ spasem₃* 'подожду₃ еще₂ день₁'. В поэтической речи иногда происходит элизия конечного *-ə*, а элемент *m* примыкает к последующему слову: *geank¹ m-anhun šoġi, poyri, aġōt¹ k¹ i* 'жизнь вечно сияния, благоухания, молитв'.

Среди личных местоимений отмечены следующие особенности местоимение 3-го лица в З.л.я. имеет форму *an* вместо *na* в восточноармянском, различается и вся парадигма склонения. В дативе у личных местоимений 1-го и 2-го лица имеется добавочный конечный элемент *-i*, а в аблативе и инструменталисе — эпентеза *m* (вместо *n* или нуля в восточноармянском), в аккузативе перед начальным гласным имеется слитный предлог *z-*: *zis-*, *zink-* и пр., инструменталисе имеет окончание *-ē* (вост.-арм. *-ic*). Полную парадигму см. 2.4.0.

Возвратные местоимения образуются сочетанием номинатива и косвенных падежей личных местоимений: *yes inji_{дат.}* 'я сам себе', *yes zis_{акк.}* 'я сам себя', *yes incmē_{абл.}* 'я сам от себя', *yes incmov_{инстр.}* 'я сам собой' и т. д. В 3-м лице используются слитные формы, отсутствующие в восточноармянском: *ink¹ nirēn* 'он сам себе', *ink¹ zink¹* 'он сам себя', *ink¹ nirmē* 'он сам от себя', *ink¹ nirmov* 'он сам собой'.

Указательные местоимения различают три уровня д е й к с и а и имеют формы множественного числа: *salas/ays* 'этот' (ближний к говорящему) — мн. ч. *asonk*, *ad/ayt* 'этот' (ближний к адресату) — *adonk¹*, *an/ayn* 'тот' (дальний) — *anonk¹*; а также разговорные *asiga*, *adiga*, *aniga* 'id.', отсутствующие в восточноармянском.

Наречные местоимения в целом совпадают с восточноармянскими: *aysbēs, aytbēs, aynbēs* 'так', *aysdeğ, aytdēğ, ayndeğ* 'здесь/там', *aysbisi, aytbisi, aynbisi* 'такой', *noynbisi* 'такой же' и др.

В неопределенных местоимениях выделяется *voewē* 'какой-либо', употребляемое только с одушевленными: *voewē ašakerd* 'какой-либо ученик', с неодушевленными употребляется *vorewē*, которое в восточноармянском используется в обоих случаях.

Среди вопросительных местоимений форму множественного числа имеют только местоимения: *inč* 'что' — мн. ч. *inč'er* и *vor* 'который' — мн. ч. *voronk*. Местоимение *ov* 'кто' в З.л.я. не склоняется, вместо его падежных форм, в том числе множественного числа, употребляются формы местоимения *vor*.

Из взаимных местоимений в З.л.я. имеется только местоимение *irar* 'друг друга'.

В отличие от восточноармянского, в З.л.я. отрицательные формы презенса индикатива сильно отличаются от положительных (*gə krem* 'пишу', *gə xōsim* 'говорю', *gə gartam* 'читаю'), образуясь аналитически: префикс (частица) *č*' + спрягаемый вспомогательный глагол и причастие отрицания (см. 2.3.7. о неличных формах глагола): *č'em krer* 'не пишу', *č'em xōsir* 'не говорю', *č'em gartar* 'не читаю'. При других синтетических формах префикс *č*' в обоих вариантах примыкает непосредственно к личной форме (кон. *krem* — отр. *č'krem*, аор. *krec* 'i' отр. *č'krec* 'i'). В формах с частицей *bidi* в З.л.я. частица *č*' примыкает к глаголу: *bidi č'krem* 'не буду писать', а в просторечии, как и в восточноармянском — к частице *bidi*: *č'bidi krem* 'я не должен писать'.

2.3.7. Выделяются следующие части речи:

Имя существительное, у которого выделяются категории числа (2.3.3.), падежа (2.3.4.) и определенности (2.3.6.).

Имя прилагательное, которое не изменяется по роду, числу и падежу и не согласуется с существительными. Качественные прилагательные имеют две степени сравнения, образование которых не отличается от восточного варианта.

Имя числительное (см. 2.3.3.).

Местоимения делятся на личные, возвратные, указательные, отрицательные, неопределенные, вопросительные, взаимное (см. 2.3.6.) и притяжательные (см. 2.3.4.).

Глагол. Общая система грамматических глагольных категорий рассмотрена в 2.3.5. Основные типы личных окончаний и полные парадигмы см в 2.4.0. Образование отрицательных форм см. в 2.3.7.

Наиболее существенные различия между З.л.я. и восточноармянским наблюдаются в глагольной парадигме, в частности, в системе неличных форм глагола (арм. *derba/terpay*). В З.л.я. отсутствуют сопроводительное деепричастие на *-elis, -alis* и аналитическая основа на *-um*, образующая восточноармянские презенс и имперфект индикатива. Таким образом, в З.л.я. выделяются семь неличных форм глагола со следующими разрядами.

1. Аналитические глагольные основы, участвующие только в образовании аналитических глагольных форм (синтаксически неавтономные):

а) совершенная (арм. *vağagadar*; восходит к древнеармянскому перфекту) — образуется присоединением суффикса *-er* (вост.-арм. *-el*) к перфективной основе (*gartal* 'читать' — *gartac* *-er*, *krel* 'писать' — *kr-er*, *xōsil* 'говорить' — *xōs-er*); образует формы эвиденциалиса;

б) совершившая (будущая) — образуется присоединением показателей *-elu, -alu* к презентной основе (*krelu, xōselu, gartalu*); образует формы дебитив (*krelu em* 'я должен писать');

в) отрицательная («причастие отрицания») — показатели *-ir*, *-er*, *-ar* (вост.-арм. *-i*, *-a*), присоединяемые к презентной основе (*krer*, *xōsir*, *gartar*). В отличие от восточноармянского, в З.л.я. образуют отрицательные формы презенса и имперфекта индикатива: *č'em krer* 'не пишу', *č'em xōsir* 'не говорю' (с переходом на тип *-e* в имперфекте: *č'ēi xōser*), *č'em gartar* 'не читаю'.

2. Собственно причастия:

а) причастие презенса (субъектное) — образуется присоединением суффикса *-oġ* к презентной или перфективной основе (*groġ* 'пишущий', *xōsoġ* 'говорящий', *gardtac* 'oġ' 'читающий'), выполняет функцию прилагательного;

б) причастие будущего времени — образуется присоединением суффиксов *-elik* 'alik' к презентной основе (*krelik* 'то, что будет/должно быть написано', *xōselik* 'то, о чем будет/должно быть говорено'); этимологически восходит к существительному, сейчас выступает как определение (*gartalik* 'kirk's, 'книга, которую я должен читать', *gartalik* 's' 'то, что я должен читать').

3. Смешанный тип. Результативное причастие (арм. *yaragadar*; восходит к древнеармянскому прилагательному) образуется присоединением суффикса *-aj* к перфективной основе (*kr-aj*, *xōs-aj*, *gartac* '-aj'). Образует аналитические перфект и плюсквамперфект (*Namagə eġpayrs kraj ē* 'Письмо написал мой брат'). Помимо этого, выступает в нефинитных оборотах как претеритное или объектное причастие (наряду с причастиями презенса и будущего времени); как самостоятельное причастие с атрибутивным значением (*gardac* 'aj mart' 'начитанный человек', *k'nac* 'aj yeraxa' 'спящий ребенок'), а при субстантивации — в функции существительного.

4. Инфинитив, для образования которого используются суффиксы *-el*, *-al*, *-il*, *-ul* (в восточноармянском только *-el* и *-al*). Огласовка этих суффиксов определяет тип спряжения. Инфинитив, как и в восточноармянском, является глагольным именем (масдаром), склоняется и в предложении может выполнять все функции существительного: *jxel-ə*_{опр. арт.} *vnasagar ē* 'Курить вредно'; *jxel-ē*_{абл. n.опр. арт.} *hiwantac* 'ar' 'Ты заболел от курения'. В косвенных падежах инфинитива гласная суффикса *-i-* меняется на *-e-*: *krel*, ген.-дат. *krelu*, инстр. *krelov* — *xōsil*, *xōselu*, *xōselov* и т. д.

Разряды и семантические группы наречий и модальных слов в обоих вариантах языка совпадают, различия наблюдаются в некоторых лексических единицах либо в их фонетическом оформлении и частотности употребления. То же касается и служебных частей речи.

Послелого и предлоги см. 2.3.4.

Другие неизменяемые части речи (союзы, модальные слова, междометия, звукоподражания) принципиально устроены как и в восточноармянском.

2.4.0. Образцы парадигм.

С у щ е с т в и т е л ь н о е

В З.л.я. выделяется десять типов склонения в единственном числе (при 13 в восточноармянском) из-за слияния или утраты некоторых типов.

Кроме того, в именной парадигме в З.л.я. отмечаются следующие особенности:

— отсутствует локатив (местный падеж). Аблатив имеет окончание *-ē*. Генитив-датель множественного числа склоняется по типу *-u* (*-i* в восточноармянском), ср. *dun* 'дом' — ген.-дат. мн. ч. *duner-u* (вост.-арм. *tner-i*);

— в З.л.я. определенный артикль могут принимать имена во всех падежных формах (в восточноармянском — только в номинативе и дативе), с некоторыми ограничениями в случае инструменталиса в обстоятельственном значении (*jerk 'ov garel* ‘шить вручную’);

— основной тип склонения на *-i* в З.л.я. более универсален, так на него переходят основы на *-i* (ген. *kini-i* ‘вино’, *ayki-i* ‘виноградник’ и др.), относящиеся в восточноармянском к склонению на *-u*; многие имена других типов склонения, в том числе с внутренней флексией, имеют также параллельные формы на *-i*: *tur* ‘дверь’ — ген.-дат. ед. ч. *tr'an/tu'i*, *yertum* ‘клятва’ — *yertman/yertumi* (склонение на *-an*), *dun* ‘дом’ — *dan/duni*, *ariwn* ‘кровь’ — *arean/ariwni*, *ciwn* ‘снег’ — *cean/ciwni* (внутреннее склонение на *-a*) и др. (см. 2.3.2.);

— в З.л.я. к склонению на *-u* относятся, помимо инфинитива, около трех десятков слов, не имеющих какого-либо общего признака: *arew* ‘солнце’, *klux* ‘голова’, *tar* ‘век’, *jov* ‘море’ и др.;

— имена с темпоральным значением в генитив-дативе имеют окончание *-uan* (ср. вост.-арм. *-va*): прям. п. *or* ‘день’ — ген.-дат. *oruan* (вост.-арм. *orva*). Типу склонения на *-a* в восточноармянском (*aġjik* ‘девочка, девушка’ — ген. *aġjka*) в З.л.я. соответствует внешний тип склонения на *-an*: прям. п. *aġĉig* — ген.-дат. *aġĉgan*;

— в некоторых типах склонения (ед. ч. на *-oġ*, *-ay/oу*, мн. ч. на *-ig*, *-ayk*) в аблативе и инструменталисе происходит эпентеза *m*, как и в парадигме местоимений.

Типы склонений, в которых используется внутренняя флексия, совпадают в З.л.я. и в восточноармянском.

Склонение

Единственное число

Падеж	Внешняя флексия					
	1. <i>-i</i>	2. <i>-u</i>	3. <i>-o</i>	4. <i>-an</i>	5. <i>-oġ</i>	6. <i>-uan</i>
Прямой	<i>k'ar</i> 'камень'	<i>jov</i> 'море'	<i>t'iw</i> 'число'	<i>yertum</i> 'клятва'	<i>dēr</i> 'дверь'	<i>ōr</i> 'день'
Ген.-дат.	<i>k'ari</i>	<i>jovu</i>	<i>t'woy</i>	<i>yertman</i>	<i>diroč</i>	<i>ōruan</i>
Абл.	<i>k'arē</i>	<i>jovē</i>	<i>t'iwē</i>	<i>yertumē</i>	<i>diročmē</i>	<i>ōruanē</i>
Инстр.	<i>k'arov</i>	<i>jovov</i>	<i>t'wov</i>	<i>yertmamb/yertumov</i>	<i>diročmov</i>	<i>ōrov</i>

Падеж	Внутренняя флексия			
	7. <i>ay/o</i>	8. <i>ə/e</i>	9. <i>iw/ea</i>	10. <i>u/ua</i>
Прямой	<i>hayr</i> 'отец'	<i>gaysr</i> 'цезарь'	<i>pnutiwn</i> 'природа'	<i>anin</i> 'имя'
Ген.-дат.	<i>hōr</i>	<i>gaysr</i>	<i>pnutean</i>	<i>anuan</i>
Абл.	<i>hōrmē</i>	<i>gaysrē</i>	<i>pnutenē</i>	<i>anunē</i>
Инстр.	<i>hōrov</i>	<i>gaysrov</i>	<i>pnutēamp/ pnutiwnov</i>	<i>anunov</i>

Множественное число

Падеж	Окончания						
	1. <i>-er</i>	2. <i>-ner</i>	3. <i>-ik</i>	4. <i>-ayk'</i>	5. <i>-ank'</i>	6. <i>-enk'</i>	7. <i>-onk'</i>
Прямой	<i>-er</i>	<i>-ner</i>	<i>-martik</i>	<i>-ayk'</i>	<i>-ank'</i>	<i>-enk'</i>	<i>-onk'</i>
Ген.-дат.	<i>-eru</i>	<i>-neru</i>	<i>-martoc'</i>	<i>-anc'</i>	<i>-anc'</i>	<i>-enc'</i>	<i>-onc'</i>
Абл.	<i>-erē</i>	<i>-nerē</i>	<i>-martoc'mē</i>	<i>-anc'mē</i>	<i>-anc'mē</i>	<i>-enc'mē</i>	<i>-onc'mē</i>
Инстр.	<i>-erov</i>	<i>-nerov</i>	<i>-martoc'mov</i>	<i>-anc'mov</i>	<i>-anc'mov</i>	<i>-enc'mov</i>	<i>-nc'mov</i>

Личные местоимения

	Падеж	1 л.	2 л.	3 л.	Интенсив/рефлексив
Ед. ч.	Им.	<i>yes</i>	<i>tun</i>	<i>an</i>	<i>ink'</i>
	Ген.	<i>im</i>	<i>k'u</i>	<i>anor</i>	<i>ir</i>
	Дат.	<i>injī</i>	<i>k'ezī</i>	<i>anor</i>	<i>iren</i>
	Вин.	<i>zis</i>	<i>k'ez</i>	<i>zan</i>	<i>zink'</i>
	Абл.	<i>inctmē</i>	<i>k'ezmē</i>	<i>angē</i>	<i>irmē</i>
	Инстр.	<i>inctmov</i>	<i>k'ezmov</i>	<i>anov</i>	<i>irmov</i>
Мн. ч.	Им.	<i>menk'</i>	<i>tuk'</i>	<i>anonk'</i>	<i>irenk'</i>
	Ген.	<i>mer</i>	<i>cer</i>	<i>anonc'</i>	<i>irenc'</i>
	Дат.	<i>mezi</i>	<i>cezi</i>	<i>anonc'</i>	<i>irenc'</i>
	Вин.	<i>mez</i>	<i>cez</i>	<i>zanonk'</i>	<i>zirenk'</i>
	Абл.	<i>mezmē</i>	<i>cezmē</i>	<i>anonc'mē</i>	<i>irenc'mē</i>
	Инстр.	<i>mezmov</i>	<i>cezmov</i>	<i>anonc'mov</i>	<i>irenc'mov</i>

Глагол

В 3 л.я. три типа спряжения: на *-e*, *-a*, *-i* (вместо двух в восточноармянском — на *-e* и *-a*). Спряжения на *-e* и *-i* в 3 л.я. различаются лишь в некоторых временных формах — в презенсе индикатива и будущем времени конъюнктива и дебитива, а также в аористе индикатива, где глаголы спряжения на *-i* имеют окончания пассива. В остальных временных формах противопоставление нейтрализуется.

Огласовка суффиксов инфинитива определяет тип спряжения. Следовательно, в 3 л.я. имеется четыре типа спряжения вместо двух в восточноармянском. Однако некоторые исследователи считают спряжение на *-i* неполноценным, так как имеется всего несколько глаголов с суффиксом *-ul* в инфинитиве (*t'ogul* 'оставлять', *ertmul* 'клясться', *hegul* 'лить, выливать', *zposnul* 'гулять' и некоторые другие), из которых полной парадигмой обладает только глагол *hegul*. Остальные глаголы являются недостаточными. Поэтому принято выделять три основных типа спряжения: на *-e(l)*, *-i(l)* и *-a(l)*, причем и в этом случае временные формы глаголов на *-e(l)* и *-i(l)* различаются только в презенсе индикатива и в соотносимых с ним формах (*gə krem*, *krem*, *bidi krem* — *gə xōsim*, *xōsim*, *bidi xōsim*, включая аналитическую форму отрицания в презенсе *čet xōsir*). В остальных временных формах противопоставления нейтрализуются.

Видо-временные формы и наклонения З.л.я.
(на примере глагола *krel* 'писать')

Формы 1 л. ед. ч.	Основное значение	Вторичное значение*	Востоочноармянская форма
<i>gə krem</i>	презенс	<u>будущее вероятности</u>	кондиционалис
<i>gə krēi</i>	имперфект	<u>условное</u>	кондиционалис прош.
<i>gə krem gor</i> (разг.)	прогр. презенс	будущее, будущее+ эмфатическое	—
<i>gə krēi gor</i> (разг.)	прогр. претерит	—	—
<i>krec i</i>	аорист	—	аорист
<i>kraj em</i>	перфект	—	результатив
<i>kraj ēi</i>	плюсквамперфект	—	прет. результатив
<i>krer em</i>	эвиденциалис	повествовательное, эмфатическое	Перфект
<i>krer ēi</i>	эвиденциалис претеритный	повествовательное, эмфатическое	плюсквамперфект
<i>bidi krem</i>	будущее	<u>утверждение, обязанность</u>	през. дебитив
<i>bidi krēi</i>	кондиционалис	будущее в прошедшем, <u>утверждение, обязанность</u>	прет. дебитив
<i>krelu em</i>	през. дебитив	будущее	будущее / проспектив
<i>krelu ēi</i>	прет. дебитив	будущее в прошедшем	
<i>krem</i>	през. конъюнктив	будущее	
<i>krēi</i>	прет. конъюнктив	будущее в прошедшем	
<i>krē, krec 'ēk'</i>	императив	—	

*В таблице подчеркнуты те вторичные значения видо-временных форм в З.л.я., выражаемые в определенных контекстах, которые совпадают с востоочноармянскими наклонениями.

Императив

Инфинитив	Спряжение на	Положительное		Запретительное (прохибитив)	
		Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
<i>krel</i> 'писать'	-e	<i>krē</i>	<i>krec 'ēk'</i>	<i>mi krer</i>	<i>mi krēk'</i>
<i>xōsil</i> 'говорить'	-i	<i>xōsē</i>	<i>xōsec 'ēk'</i>	<i>mi xōsir</i>	<i>mi xōsik'</i>
<i>gartal</i> 'читать'	-a	<i>garta</i>	<i>gartac 'ēk'</i>	<i>mi gartar</i>	<i>mi gartak'</i>
<i>mōdec 'nel</i> 'приближать'	каузатив	<i>mōdec 'ur</i>	<i>mōdec 'uc 'ēk'</i>	<i>mi mōdec 'ner</i>	<i>mi mōdec 'uc 'ēk'</i>

2.5.0. Морфосинтаксические сведения.

2.5.1. З.л.я. использует, в основном, те же словообразовательные модели, что и востоочноармянский вариант. Различия между вариантами сводятся, в основном, к лексическому наполнению этих моделей. Можно отметить следующие случаи расхождений между двумя вариантами армянского языка.

1. Выбор разных (нередко синонимичных) основ в качестве первого компонента сложных слов с одинаковым значением: зап.-арм. *mek 'enamas* 'деталь, запчасть' —

вост.-арм. *pahestamas*, зап.-арм. *aylazanel* 'различать' — вост.-арм. *zanazanel*, зап.-арм. *kešut 'iwn* 'зло, злое; дурнота' — вост.-арм. *vatut 'iwn*.

2. Выбор разных основ в качестве второго компонента сложных слов: зап.-арм. *pazmajin* 'многолетний' — вост.-арм. *bazmazavak*, зап.-арм. *kradun* 'книжный магазин' — вост.-арм. *graxanut*, зап.-арм. *meğralusin* 'медовый месяц' — вост.-арм. *meğramis*.

3. Выбор разных синонимичных аффиксов при одних и тех же производящих основах: зап.-арм. *artukič* 'гладильщик' — вост.-арм. *ardukoğ*, зап.-арм. *heknut 'iwn* 'ирония' — вост.-арм. *hegnank*, зап.-арм. *korcatrut 'iwn* 'применение' — вост.-арм. *gorcadrum*.

4. Аффиксы *-gag*, *-geg*, *-gug* (со значением слабо выраженного качественного признака), характерные только для З.л.я.: *mejgag* 'великоватый', *layngeg* 'широковатый', *paragug* 'узковатый', а также ряд глагольных суффиксов многократности действия: *-tk-*, *-křt-*, *-štk-*, *-řtk-*.

5. Сложное слово против аффиксального с тем же значением: зап.-арм. *korjadun* 'завод, фабрика' — вост.-арм. *gorcaran*, зап.-арм. *garadun* 'швейная мастерская' — вост.-арм. *karanoc*. Такие случаи нерегулярны и скорее имеют значимость индивидуальных лексических единиц.

2.5.2. Основные способы и правила словообразования такие же, как в восточноармянском варианте.

2.5.3. О типичной структуре и разновидностях простого предложения см. статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании.

2.5.4. В основных правилах построения сложных предложений, типах сложных предложений и закономерностях порядка слов в сложных предложениях структурно и типологически значимых расхождений между двумя вариантами новоармянского языка нет, см. статью «Восточноармянский литературный язык» в наст. издании.

2.6.0. Оба варианта новоармянского литературного языка широко пользуются наиболее активным и продуктивным в словообразовательном отношении индоевропейским слоем словарного запаса, а также общим лексическим достоянием, унаследованным от габара. Наряду с этим имеются пласты лексики, преимущественно характерные для одного или другого из них. Не считая фонетико-орфографических расхождений, можно выделить несколько типов таких пластов.

1. Слова, присущие только З.л.я. Они либо наследие габара, не сохранившееся в восточноармянском, либо проникновения из западноармянских диалектов. В основном, это религиозно-церковная, ритуально-этнографическая лексика, названия реалий быта западных армян и пр.

2. Слова, употребляемые в обоих вариантах, но имеющие бóльшую частотность в З.л.я., причем употребление этих слов в восточноармянском зачастую стилистически маркировано.

3. Формально тождественные слова с различной семантикой или разной членимостью на морфемы в обоих вариантах языка, причем семантические различия могут иметь разную степень и разные причины возникновения. В сущности, это межъязыковые омонимы различного происхождения, либо же многозначные слова, значения которых совпадают в обоих вариантах лишь частично. В последнем случае это может иметь историческую обусловленность (расширение или сужение значений и т. п.), ср. др.-арм. *axouean* 'соперник; противник в споре; боец, борец; герой; защитник, покровитель' > зап.-арм. *axouean* 'чемпион' (вост.-арм. 'враг; конкурент, противник'). Омонимия может возникнуть случайно, либо быть связанной с разной словообразовательной мотивированностью

или разной интерпретацией внутренней формы составных конструкций (ср. зап.-арм. *yegamut* 'доход, прибыль', тж. 'пришлый, чуждый' — вост.-арм. *yekamut* 'доход, прибыль' (от глагольных корней *yek* 'приходить' и *mut* 'войти').

Для З.л.я. характерна тенденция перевода или передачи иноязычной лексики собственными языковыми средствами. В восточноармянском в связи с интенсивным развитием общественно-политической и научно-технической терминологии заимствования более допустимы, однако с их дальнейшей целенаправленной заменой собственными эквивалентами. Вместе с тем, непроходимых граней между словарными запасами обоих вариантов нет, и намечаются определенные тенденции к их дальнейшему сближению.

ЛИТЕРАТУРА

Донабедян А. Неоформленный субъект в западноармянском языке — к вопросу о неаккуративности // Вопросы языкознания, 2010, № 1.

Bardakjian K., Thomson R. A Textbook of Modern Western Armenian. Delmar, New York, 1977.

Donabédian A. L'article dans l'économie des catégories nominales en arménien moderne occidentale: PhD dissertation. Paris, 1991 (Université de Paris, III).

Donabédian A. Le pluriel en arménien moderne // Faits de Langues, 1993, № 2.

Donabédian A. Perfect and Mediative in Modern Western Armenian // Proceedings of the Fifth International Conference on Armenian Linguistics, held at McGill University. Montreal, 1995.

Donabédian A. Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // L'énonciation médiatisée / Z. Guentchéva (éd.). Louvain, 1996.

Donabédian A. Towards a semasiological account of evidentials: an enunciative approach of -er in Modern Western Armenian // Journal of pragmatics, 2001, vol. 33, iss. 3.

Donabédian A. The aorist: aspect, modality and enunciation in Modern Armenian // Z. Guentchéva. Tense & Aspect. Benjamins, 2014 [to appear].

Khanjian Hr. Quantification in Western Armenian // Handbook of Quantifiers in Natural Language / E.L. Keenan, D. Paperno (eds.). New York, 2012.

Kozintseva N.A. Perfect forms as a means of expressing evidentiality in Armenian // Evidentials: Turkic, Iranian and neighbouring languages / L. Johanson, B. Utas (eds.). Berlin, 2000.

Sakayan D. Modern Western Armenian for the English-speaking World: A Contrastive Approach. Montreal, 2000.

Samuelian T.J. A Course in Modern Western Armenian. New York, 1989.

Samuelian T.J. Armenian Dictionary in Translation. Western pronunciation. Armenian-English, English-Armenian. New York, 1993.

Sigler M. Subject Positions in Standard Western Armenian // Proceedings of NELS, 1996, vol. 26.

Sigler M. Specificity and Agreement in Standard Western Armenian: PhD Dissertation. Cambridge (Mass.), 1997 (Massachusetts Institute of Technology).

Sigler M. A logophoric pronoun in Western Armenian // Annual of Armenian linguistics, 2001, vol. 21.

Sigler M. A note on the classifier in Western Armenian: Had // Annual of Armenian linguistics, 2003, vol. 22–23.

Vaux B., Bardakjian K. A Textbook of Western Armenian. Ann Arbor, 2002.

На армянском языке:

Abrahamyan S.G., Verdyan B.H., K'osyan V.A. Hayerēn lezui dasagirik' [Учебник армянского языка]. Erewan, 1966.

Ačemyan V. Grakan arewmtahayereni jewavogumə [Формирование западноармянского литературного языка]. Erewan, 1971.

Ağayan Ė.B. Əndhanur ew hajkakan bağagitut'yun [Общая и армянская лексикология]. Erewan, 1984.

Avetisyan Ju.S. Arewelahayereni ew arewmtahayereni zugadrakan k'erakanut'yun [Сопоставительная грамматика восточноармянского и западноармянского языков]. Erewan, 2007.

Aytunyan A. K'nakan k'erakanut'iw n ašxarhabar kam ardi hayerēn lezui [Критическая грамматика ашхарабара или новоармянского

литературного языка]. Viēna, 1866. URL: <http://thesaurus.cerl.org/record/cnp01099240>.

Gazančean Y. Nor k'erakanut'iwñ ardi hayeren lezui [Новая грамматика современного армянского языка]. Ist'anpul, 1947.

K'osyan V.A. Arewmtahayereni bařakaraks'ut'yunnerē [Словосочетания в западноармянском языке]. Erewan, 1986.

Sak'apetoyan Ğ.K. Arewmtahayeren-arewelahayeren ugğaxosakan-bac'atrankan bařaran [Восточноармянско-западноармянский орфоэпический словарь]. Erewan, 2000.

Sak'apetoyan Ğ.K. Arewelahayereni ew arewmtahayereni bařapařarayin ařanjnahatkut'yunnerē

[Особенности лексики восточноармянского и западноармянского языков]. Erewan, 2004.

Sak'apetoyan Ğ.K. Arewmtahayereni dasagirk' [Учебник западноармянского языка]. Erewan, 2006.

Šant' L. K'erakanut'iwñ arewmtēan hayerēni [Грамматика западноармянского языка]. Peřrut' [Бейрут], 1932.

Sargsyan A. Arewelahay ew arewmtahay grakan lezuner (zugadrakan-tipabanakan k'nnut'yun) [Восточноармянский и западноармянский литературные языки (сопоставительно-типологическое исследование)]. Erewan, 1985.

Tasnapețean E. K'erakanut'iwñ [Грамматика]. Ant'iliā, 1990.

Л.С. Овсепян, Г.Г. Геворкян

АРМЯНСКИЕ ДИАЛЕКТЫ (ОБЩИЙ ОБЗОР)

1. Армянские диалекты (А.д.), также диалекты армянского языка; арм. Հայերենի բարբառներ, *hayereni barbařnēr*.

В данной статье описывается общая диалектная ситуация и основные структурно-типологические особенности диалектов по сравнению со восточноармянским литературным языком.

В армянской диалектологии принята следующая иерархическая классификация названий территориальных вариантов языка: диалектная группа (арм. *barbařaxumb*), диалект (*barbař*), междиалект (промежуточный диалект, англ. *interdialect*), поддиалект/субдиалект (арм. *yent'abarbař*), говор (*hosvack*). Как общее обозначение всех этих вариантов употребляется термин «диалектная единица». Лингвисты оперируют также понятиями восточной и западной группировок (объединений групп) диалектов.

Традиционно А.д. обозначаются либо по названию области их основного или исторического распространения (например, араратский, ванский, карабахский), либо (чаще) по названию определенного населенного пункта (тбилисский, константинопольский, карчеванский и др.). Во многих случаях речь идёт о местах компактного проживания армянского населения до геноцида 1915 г., радикально изменившего географию диалектов армянского языка. Ниже используются названия диалектов либо указываются топонимы (ванский диалект/Ван).

2. Диалекты восточной группировки (группы VIII–XI) возникли и до сих пор распространены на территории Республики Армения, Карабаха, а также в Иране (почти не осталось). Западные же диалекты (группы I–VII), обособившиеся и многие века существовавшие в западной части исторической Армении, напротив, за немногими исключениями, более не распространены на своих исконных территориях. Это связано с османской политикой и геноцидом армян, начавшимся в 1915 году. Результатом геноцида стало истребление более миллиона армян и практически полное их исчезновение с территории Турции. Как следствие, многие из диалектов сегодня полностью или час-